

Д-р Марек Ф. Ягодзинский
Историко-археологический музей в Эльблонге
Руководитель исследований
№ диплома 4374

Отчет об археологических исследованиях, проведенных в Януве, гмина Эльблонг, в рамках проекта „Балтийская Одиссея”

Задача: поиск кладбища, связанного с поселением Трусо

Археологические исследования и геофизические работы в Януве проводились в рамках проекта „*Baltic Odyssey - Creation of commonhistorical and cultural area*”, финансируемого Программой Приграничного Сотрудничества Польша-Россия на 2014-2020 годы.

**Разрешение Консерватора исторических памятников Варминьско-Мазурского воеводства
Решение WKZ: WUOZ-Elbląg. 5161.8.2020. MMA от 29 июня 2020 г.**

Сентябрь – Ноябрь 2020

Содержание

1. Введение в проблематику поисков кладбища	3
1.1. Вопрос этнической принадлежности жителей Трусо.....	4
1.2. Скандинавские могилы на кладбищах эльблонгской агломерации	6
1.3. Характеристика поселения	22
1.4. Информация Зигфрида Ангера об открытии 1868 года	28
2. Археологические раскопки	32
2.1. Зондаж № 1	36
2.2. Зондаж № 2	41
2.3. Зондаж № 3	43
2.4. Зондаж № 4	45
2.5. Зондаж № 5	47
2.6. Зондаж № 6	51
2.7. Зондаж № 7	53
2.8. Зондаж № 8	55
2.9. Зондаж № 9	57
2.10. Зондаж № 10	58
2.11. Зондаж № 11	60
2.12. Главный раскоп	62
3. Итоги	77
4. Библиография	87
Приложение № 1 – KEZA Коморово-Жулавске	
Приложение №2 – ситуационная и высотная карта с обозначенными раскопками	
Приложение № 3 – фото-документация в формате PDF	
Приложение № 4 – чертежи	

1. Введение в проблематику поисков кладбища

Еще 40 лет назад Труссо было лишь названием, записанным в свидетельстве Вульфстана. Этот англосаксонский моряк, но, прежде всего, придворный короля Уэссекса Альфреда Великого, около 890 года совершил морское путешествие из датского порта Хедебю в Труссо. Он составил обширный отчет об этом путешествии, в котором подробно описал путь в Труссо и обычаи эстов (западных балтов, позже названных Пруссами). Вместе со славянами они были жителями селения при торговом порте.

Часть отчета Вульфстана была опубликована Ричардом Хаклюйтом (рис. 1) в первом томе монументального труда, описывающего историю мореплавания и открытия англичан (Hakluyt 1598). С тех пор открылась дискуссия о местонахождении, природе и хронологии Труссо. Открытие в 1981 году портового поселения в Януве-Поморском¹ и, прежде всего, раскопки и исследования, проводившиеся в течение почти сорока лет, доказали, что это реликты исторического Труссо. Кто основал Труссо, кто были его жители и откуда они пришли - вот самые важные вопросы, касающиеся этого торгового центра.

¹На Карте Учета Археологического Объекта поселение описано под названием Коморово-Жулавске ст. 1, срав. Приложение № 1.

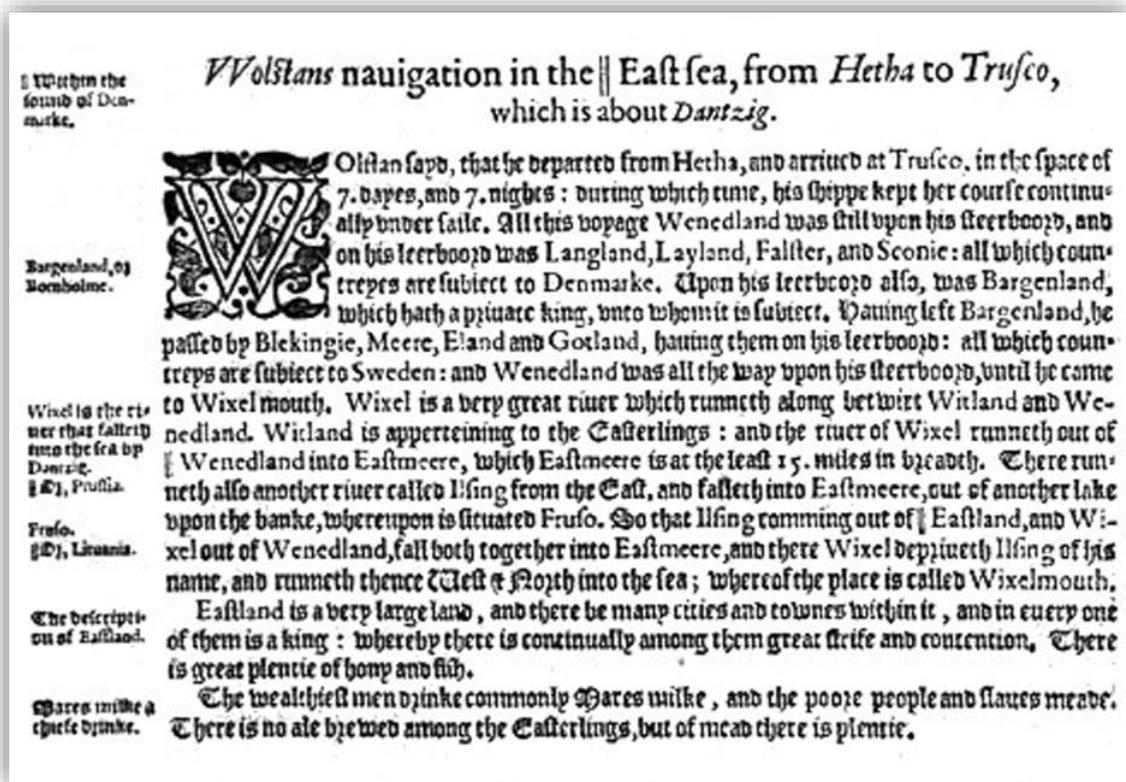

Рис. 1. Фрагмент „The Principall Navigations ...” Хаклюйта, описывающий путешествие Вульфстана в Трусо и первая попытка обозначения местонахождения этого торгового центра

1.1. Вопрос этнической принадлежности жителей Трусо

Споры об этнической принадлежности жителей Трусо имеют долгую историю. Этот вопрос обсуждался в основном до открытия этого эмпория (в том числе Эрлих 1937; Нейгебауэр 1937), что понятно, а также после открытия Трусо и публикации значительной части результатов исследований, что может показаться удивительным. Однако следует обратить внимание на отсутствие самого важного элемента, позволяющего четко определить этническую принадлежность жителей Трусо, то есть кладбища, связанного с этим поселением. Стоит вспомнить некоторые из этих утверждений, поскольку они позволят оценить дискуссию с точки зрения основных аргументов, выдвинутых отдельными авторами.

Первым ученым, предпринявшим попытку этнического определения, был Фердинанд Нойман (1854 г.). Определив происхождение названия „Трусо” от литовского слова *trusas* - *работа*, он указывал на балтов. Критик Ноймана, Августин Кольберг, тоже думал о балтах, связывая название „Трусо” с литовским словом *trusai* - *камьи*

(Kolberg 1878, s. 1-75). Похоже рассуждал и Станислав Мельчарский, когда писал: „Поселение Трусо, характер которого еще не очень хорошо известен, должно быть было портовым поселением, населенным пруссами, потому что именно их описал Вульфстан во второй части своего отчета” (Mielczarski 1963, s. 11). В свою очередь, Генрик Ловмянский не исключал существования „скандинавской колонии [...] на территории Эльблонга или в его окрестностях - в Дружно (Трусо) в VIII-IX веках” (Łowmiański 1957, s. 83-84). Эта точка зрения, вероятно, учитывала более ранние открытия эльблонгских археологов - Бруно Эрлиха (1937a, s. 1-17) и Вернера Нейгебауэра (1937, s. 19-28) на Новомейском поле в Эльблонге. В 1936 г. здесь были обнаружены и исследованы 35 женских могил со скандинавской атрибутикой. Эти открытия, а также более ранние исследования и публикации кенигсбергского археолога Макса Эберта (1926) привели к тому, что вопрос о роли скандинавов в появлении поселения Трусо является одним из главных тезисов, обсуждаемых до сих пор.

Полную характеристику дискуссии по вопросу Трусо до 1911 года дал Эдвард Карстенн (1911, s. 37-63), далее до 1937 года критически обсудил Бруно Эрлих (1937a, op. cit.), а в 1960-х годах XX века эту дискуссию подытожили польские медиевисты, Герард Лябуда (1961, s. 7-118) и Станислав Мельчарский (1963, s. 3-36), а в начале XXI века - автор этого отчета (Jagodziński 2010, s. 37-46).

Анализ археологических объектов, проведенный в других местах на территории между Вислой и Пасленкой, показал, что Трусо был основан на границе славянских и балтийских поселений (Jagodziński 1997; он же 1998; он же 1999).

Здесь следует задать следующие основные вопросы:

- какая была связь между соседними прусскими и славянскими общинами и скандинавскими основателями Трусо?;
- кто контролировал этот центр?;
- каково было участие местных и надрегиональных политических властей в этом контроле?

По этим вопросам мы ограничены в своих возможностях делать выводы, в основном из-за состояния исследований, хотя примеры других таких центров (в том числе Бирки и Хедеби) указывают на то, что такая взаимосвязь должна существовать

(Callmer 1994, s. 77; Łosiński 2000, s. 123; Urbańczyk 2002, s. 37-47). В решении этой проблемы решающее значение будут иметь дальнейшие археологические исследования, которые, помимо самого Труссо, должны также охватывать его инфраструктуру и, прежде всего, нужно сосредоточиться на поиске и изучении связанного с ним кладбища.

1.2. Скандинавские могилы на кладбищах эльблонгской агломерации

В районах Эльблонгской возвышенности, Старопрусского побережья и частично также на северо-восточных окраинах Илавского поозёрья в раннем средневековье сформировалась новая культурная единица - *эльблонгская агломерация* (Jagodziński 2009b, s. 145-146). Одним из важнейших археологических объектов этой агломерации является кладбище Бенкенштайн-Фрайвальде (ныне Эльблонг Камсионка-Житно), исследованное в первые десятилетия XX века. Результаты исследований кладбища так и не были опубликованы полностью, а большая часть памятников и вся исследовательская документация были потеряны во время Второй мировой войны. Поэтому невозможно провести полноценный анализ объекта с точки зрения реальных стратиграфических соотношений между отдельными захоронениями, характерных для различных этапов его использования. Этот вопрос является чрезвычайно важным для указания возможной хронологической последовательности закладки усопших, а значит, и для получения достоверных данных для оценки поселения, развивавшегося здесь в период между VI-VIII и IX-X и XI-XII веками.

В 1907-1912 гг. был обнаружен 61 объект, большинство из которых были могилами, и лишь некоторые из них, в которых были обнаружены только обожженные камни, были обозначены как очаги (Dopp 1914, s. 2-3). В течение следующих трех исследовательских сезонов (1916-1918 гг.) было обнаружено 46 новых объектов, из которых 35 были захоронениями - в них были обнаружены обгоревшие человеческие кости и погребальные принадлежности. Остальные были признаны очагами (Ehrlich, 1920, s. 178-179).

Составленный Робертом Дорром схематический план исследованного фрагмента кладбища (1914, s. 24, Plan des Gräberfeldes Benkenstein-Freiwalde - рис. 2) мало что дает для правильной оценки результатов раскопок. В 1907-1911 гг. с помощью металлического зонда искали только брусчатку, что, вероятно, способствовало тому, что при поиске были упущены многие предметы, находившиеся между могилами и брусчаткой. В этом плане наблюдение Дорра о том, что большинство могил были расположены рядами и между ними была брусчатка, вероятно, не отражает всей структуры „исследованной” части кладбища.

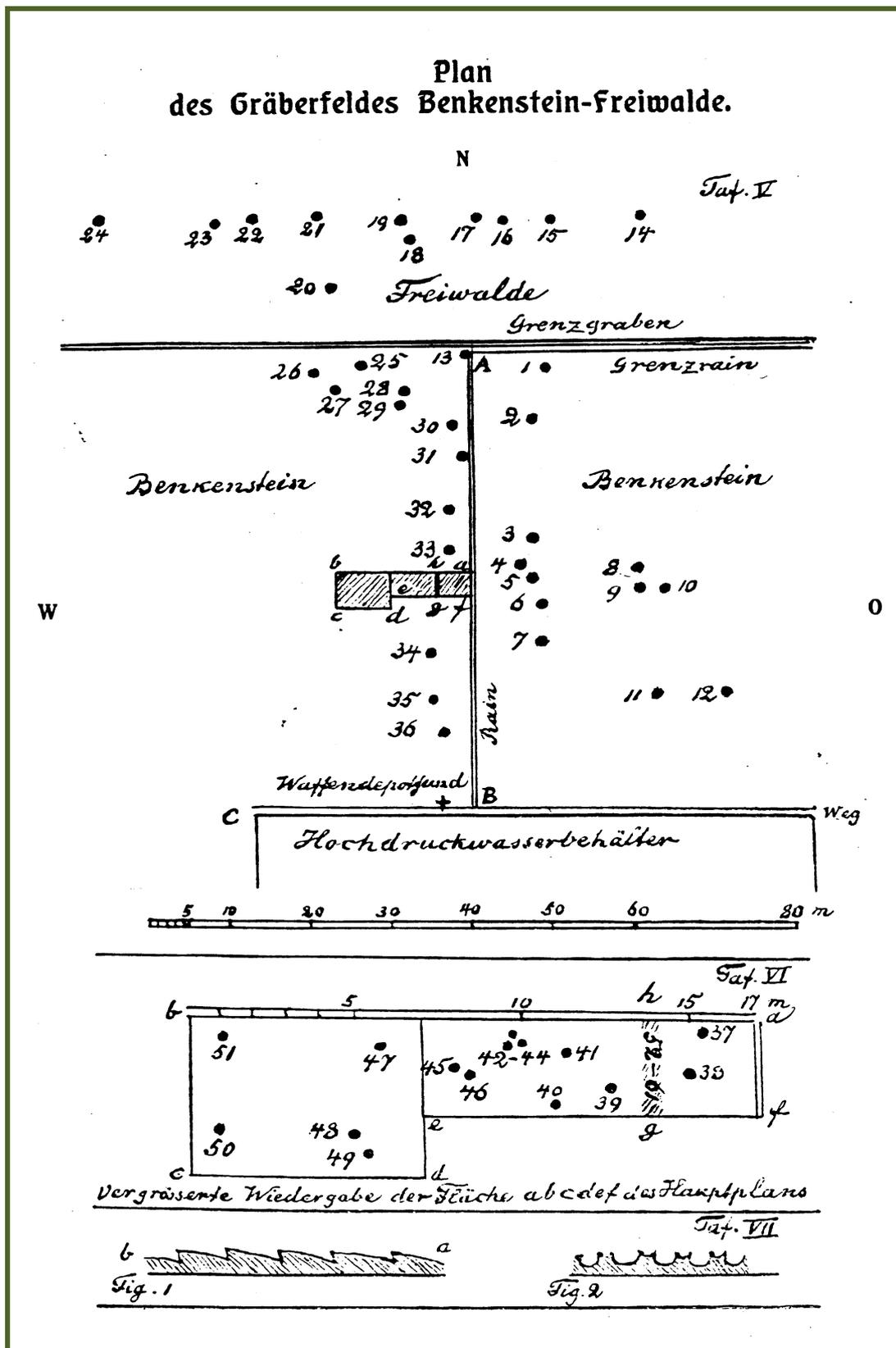

Рис. 2. План кладбища Бенкенштайн-Фрайвальде (по R.Dorr, 1914, s. 24)

Более достоверными в этом отношении являются раскопки Б. Эрлиха, который в 1916 г. взял на себя руководство исследованиями на этом кладбище.

Исследовательский метод, впервые примененный в 1912 г. и которым продолжили пользоваться в 1916-1918 гг., а также который попытались применить в 1928 г. во время последних „спасательных” исследований², заключался в разбивке раскопок и их исследовании методом механических слоев. Это позволило точно зарегистрировать все объекты, находящиеся в раскопе. Изменение метода исследования показало более сложную схему кладбища. Анализируя опубликованные отчеты исследований, нетрудно заметить различия между могилами, находившимися в южной части кладбища, и могилами, обнаруженными в центральной и северной части объекта, исследованного Р. Дорром. В южной части обнаружено в основном большое количество ямных могил без брусчатки. В северной и центральной части кладбища таких объектов практически нет, что, конечно же, явилось следствием вышеупомянутого исследовательского метода поиска брусчатки. Таким образом, правомерный сравнительный анализ можно провести только для могил, имеющих каменные контуры. Объекты этого типа, обнаруженные в северной и центральной части объекта, имели более компактное, богатое и многослойное расположение брусчатки, чем исследованные объекты в южной части. Брусчатая прослойка этих захоронений состояла из 1-2 слоев камней, тогда как открытые в северной части состояли из 3-4 слоев. Р. Дорр и Б. Эрлих отметили большое разнообразие форм брусчатки, среди которых выделили прямоугольную форму (могилы № 10, 81), пятиугольную форму (могила № 14), семиугольную форму (могила № 19), форму приближенную к круглой (могила № 15) или эллиптическую форму (могилы № 17, 68).

² В конце лета 1928 года (11 сентября), при земляных работах по сооружению второго водохранилища на этом кладбище, в части, исследованной до 1912 г., были обнаружены 2 наконечника копий, 1 обоюдоострый меч в ножнах, украшенных серебряной окантовкой, и 1 бронзовая пряжка. Извещенный об этом открытии, Б. Эрлих 12 и 13 сентября 1928 г. провел осмотр места проведения земляных работ и сумел осмотреть 3 могилы, в одной из которых было захоронение лошади (**могила № 114**) – «ниже уровня могилы, где сжигали тело, в которой находился сосуд с очень тонкой шейкой, находился скелет лошади с полностью сохранившейся бронзовой уздой». К сожалению, дальнейших исследований не проводилось из-за необходимости завершить строительство водохранилища до первых заморозков. Поэтому при выполнении этого задания 60 рабочих работали в две смены, днем и ночью. Работников проинформировали о необходимости обращать внимание на находки, и благодаря этой *находке* удалось собрать такое количество артефактов, которое оказалось богаче всего того материала, полученного в ходе плановых исследований в 1907-1918 годах. Все обнаруженные таким образом металлические предметы - бронзовые застёжки, ажурные окантовки ремня и пряжки, бронзовые и железные удила, железные мечи и наконечники копий относятся к фазе Е” - по материалам: В. Ehrlich, 1931, s. 17. Следует добавить, что во время земляных работ, проведенных на этом кладбище в 1928 году, были найдены еще три меча, ножны которых были покрыты остатками серебряной окантовки, информация о которых была предоставлена Б. Эрлихом на стр. 21 цитированной выше публикации.

По мнению обоих исследователей, большая регулярность брусчатки была характерна для более раннего периода кладбища, что также подтверждается обнаруженными там принадлежностями. Например, обнаруженные в этих могилах сосуды характерны для периодов D и E (VI-VII/VIII вв.). Части могил сопровождалась захоронениями лошадей. Лошадей помещали в могилы в полулежащем положении (ноги согнуты в коленях), на черепах сохранились узды с бронзовой окантовкой и бронзовыми или железными удилами.

Результатом вышеупомянутого исследовательского метода, использованного Б. Эрлихом, в том числе было обнаружение еще нескольких могил более правильной формы, центр которых не был покрыт каменной прослойкой, а по краям могильных ям были только ряды камней, создающие впечатление могильной ограды / обрамления. Интересна и внутренняя структура захоронений. Слои гари обычно не выходили за пределы брусчатки, чаще всего были меньшего размера и располагались в одном из углов конкретной могильной ямы. Это, вероятно, свидетельствует о более сложной „идеологической и культурной” форме захоронений этого типа, вытекающей из стандартов погребального обряда, использовавшихся в то время.

В некоторых ямных могилах была найдены керамические изделия, сделанные на гончарном круге, известные впоследствии как „городищенская” керамика. Она была обнаружена в следующих могилах:

- № 63, где под брусчаткой находилась кремационная могильная яма с фрагментами „городищенской” керамики более древнего типа и фрагментом стеклянного сосуда;
- № 66, в которой находились фрагменты посуды, сделанной вручную, и на круге, а также кусочки янтаря;
- № 72, где возле сожженных человеческих костей, обнаружен был фрагмент подбиконического сосуда и многочисленные фрагменты сосуда „городищенского” типа, бронзовый рыболовный крючок и кусочки янтаря;
- № 75, где вокруг одного слоя брусчатки, обнаружено несколько кремационных могил с керамикой „городищенского” типа (погребальный комплекс или братская могила?);
- № 80, в которой обнаружена керамика ручной работы, керамика „городищенского” типа и фрагмент бронзового рыболовного крючка;
- № 96, в которой найдены фрагменты керамики, изготавливаемой на круге, маленький железный нож и стеклянная бусина (по материалам: В. Ehrlich, 1920, s. 178-203).

Керамика, сделанная на круге, была также обнаружена в объекте, описанном как ров с размерами 3 x 0,3 - 0,5 м, заполненный черноземом, пропитанным кусками

древесного угля, обожженными человеческими костями и многочисленными фрагментами „городищенской” керамики. (Dott 1914, s. 4) .

Небольшая часть этой керамики находится в коллекциях Историко-археологического музея в Эльблонге (рис. 3; рис. 4) и благодаря сохранившимся на объектах инвентарным номерам, она была достоверно идентифицирована как принадлежности ямных могил. Эта керамика представлена в основном горшками с широкими горлышками с сигмовидным профилем и высоким изгибом выпуклости, часто украшенные прямыми линиями, выгравированными на выпуклости, и косыми надрезами над изгибом выпуклости. Более поздние формы имеют гончарные знаки на дне и орнамент из волнистых линий на выпуклости и сильно профилированные горлышки - по большей части это цельнокатаная керамика, характерная для IX/X-XII веков (Jagodziński 1997, s. 285, Tablica XIII; Ehrlich 1932 s. 415-418, Abb. 11; 12; 14).

Рис. 3 Глиняная посуда, изготовленная на кругу и вручную, с кладбища Бенкенштайн-Фрайвальде

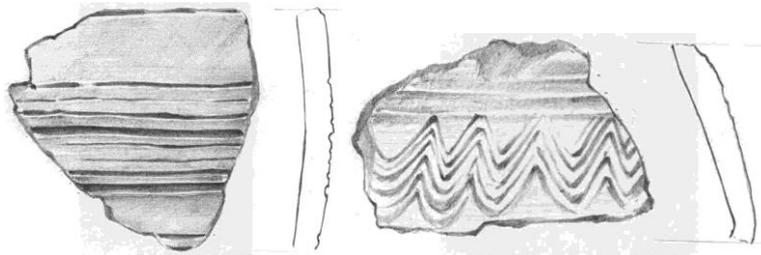

Рис. 4. Фрагменты стенок посуды „городищенского” типа (IX-XI вв.) из ямных могил кладбища Бенкенштайн-Фрайвальде – коллекции Историко-археологического музея в Эльблонге

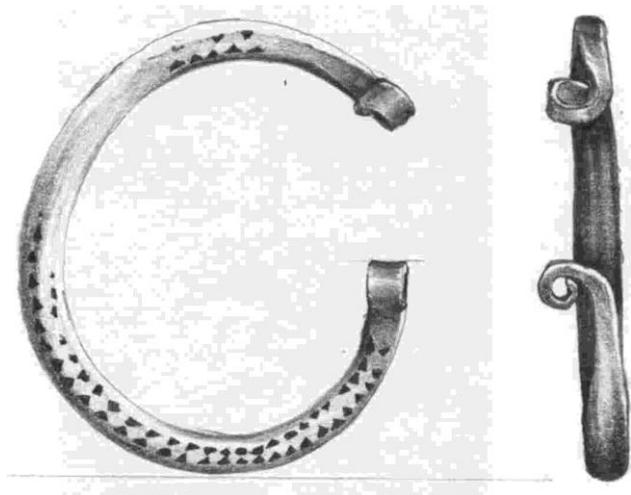

Рис. 5. Скандинавская подковообразная застёжка из принадлежностей ямной могилы кладбища Бенкенштайн-Фрайвальде – коллекции Историко-археологического музея в Эльблонге

Во многих случаях фрагменты глиняной посуды ручной работы и изготовленной на кругу с орнаментом из волнистых линий (так называемая „городищенская” или славянская керамика), были обнаружены в относительно толстых слоях, занимающих большие площади кладбища, которые содержали в основном древесный уголь, пепел, сожженные человеческие кости, а также оружие³ и украшения (рис. 5). Иногда их называли „слоистыми могилами”. Более убедительной в этом отношении является точка зрения, связывающая образование слоев гари (*Aschenplätze*) с изменением погребального ритуала. Согласно этой концепции, эти слои появились в результате сжигания умерших в одном и том же месте на кладбищах (Odoj 1970, s. 58; Wróblewski 2006, s.222, 223, Fig. 1). Такой ритуал, вероятно, использовался с VII/VIII веков.

³Между могилами, в слое гари был найден „склад” оружия, состоящий из неопределенного количества наконечников копий и мечей.

Обнаруженная в могильных слоях керамика свидетельствует о том, что этот элемент обряда присутствовал еще в более ранний период раннего средневековья (IX-XII вв.).

Описанные выше ямные могилы и могильные слои можно рассматривать как конкретный, хронологически и культурно различимый элемент поселенческого контекста Трусо, т.е. реальной хозяйственной инфраструктуры. Ее могло создать прусское население, жившее в окрестностях нынешнего Эльблонга и хоронившее здесь своих умерших в период с конца VIII до X/XI веков, а также, возможно, частично ассимилировавшееся с ним скандинавское население. Эти могилы, вероятно, являются примерами последних периодов использования кладбища, которые, вероятно, можно датировать IX-X и XI-XII веками и, следовательно, частично также временем после падения Трусо. Этот вопрос требует дальнейшего исследования, тем более что на нескольких других кладбищах *эльблонгской агломерации*, основание которых можно датировать как минимум VI веком, также были обнаружены захоронения с керамикой, изготовленной на кругу. Они указывают на существование более поздних периодов использования этих кладбищ, похожих на те, которые задокументированы для кладбища Эльблонг Камсионка-Житно (Бенкенштайн-Фрайвальде). Среди прочего были обнаружены погребальные объекты с керамикой, изготовленной на кругу, которая часто встречается вместе с посудой ручной работы, на кладбищах в Подгуже в гмине Бранево, в Сребрна-Гура в Ленче в гмине Толькмико, в Хойнове в гмине Толькмико, в Эльблонге-Моджевина (Lächrwalde), в Эльблонге-Кемп-Пулноцна (Kämmereisandland). Этот факт четко противоречит тезису об *упадке* или о *процессе покидания* прусских кладбищ в более молодой период раннего средневековья (Nowakowski 2006, s. 32), хотя стоит согласиться с оценкой, свидетельствующей о радикальном изменении погребального обряда в то время.

В конце VIII - начале IX века появляются кремационные могилы, ранее обнаруженные только на территории Эльблонга, в которых находились в основном украшения, оружие и другие предметы скандинавского происхождения. С кладбища в Эльблонге-Кемпа Пулноцна (Kämmerei-Sandland) происходит, среди прочего, серебряное кольцо, украшенное филигранью скандинавского типа, фрагменты бронзовых чаш для весов, украшенные шестиконечной розеткой в виде звезды, расплавленная стрела весов из этого набора и, по описанию Р. Дорра, „две бронзовые гири в форме приплюснутого шара с тисненными на поверхности плоскостей кругами”. (R. Dorr 1888–1891, s. 21–22). Согласно отчету Дорра, с этого кладбища удалось сохранить лишь несколько ямных кремационных могил, в которых находились, помимо

упомянутых выше объектов, сожженные человеческие кости, смешанные с фрагментами раннесредневековой керамики и кусками древесного угля, а также фрагмент лезвия железного ножа (R. Dorr 1894, s. 70; см. также: V. Ehrlich 1932, s. 418-419, Abb. 15; M. F. Jagodziński 1997, s. 56-57, poz. 118).

Единичные образцы могильных принадлежностей скандинавского происхождения, в т.ч. две бронзовые пряжки ремня в форме сердца и обломок бронзовой украшенной пряжки были также найдены на кладбище в Эльблонге - Завада/Пангриц-Колони (Dorr 1894, s. 70; Ehrlich 1932, s. 419, Abb. 16 a, c.). А с другого кладбища Эльблонга, обнаруженного на территории района Винница (Weingarten, Pulverhaus) происходят бронзовые элементы украшения пояса - ажурная накладка на конце ремня, конец ремешка⁴ и пластина с волнообразным нижним краем (Dorr 1894, s. 70-71; Ehrlich 1932, s. 419, Abb. 16, d-f).

На всех вышеупомянутых кладбищах, в могилах, относящихся к более раннему средневековью, преобладает керамика, обычно относящаяся к славянскому типу, изготовленная вручную (часто украшенная волнистыми линиями) и изготовленная на кругу, что до сих пор ассоциировалось с прямым славянским влиянием. На мой взгляд, более вероятной является возможность переноса славянских узоров в среду Западной Пруссии через скандинавов. В контексте сформулированного таким образом тезиса вопрос, связанный с исходными направлениями этих взаимодействий, может иметь фундаментальное значение для исследования вопроса возникновения славянских поселений в районе устья Вислы, обычно именуемого славяно-прусским приграничьем. Это объясняет, в частности, причины более раннего появления керамики, характерной для славянского объединения в среде Западной Пруссии, в более молодые периоды раннего средневековья, чем это можно было задокументировать хронологией появления славянских поселений в районе устья Вислы. Вышеуказанная возможность, на мой взгляд, аргументирована характером и хронологией керамики, обнаруженной при исследовании городища Трусо.

Самым показательным открытием, сделанным в межвоенный период, которое побудило многих европейских археологов присоединиться к дискуссии о скандинавском присутствии в районе устья Вислы, было раннесредневековое кладбище на Новомейском поле (Neustädterfeld) в Эльблонге. Кладбище находится в южной части

⁴ К счастью, эти артефакты сохранились и сейчас находятся в коллекциях Историко-археологического музея в Эльблонге.

этого района, граничащего с Вислянскими Жулавами - ныне это район, где сходятся улицы Килянского, Скшидлата и Лотнича. Нам неизвестно точное количество могил, обнаруженных на нем, а в последней информации, опубликованной Вернером Нойгебауэром, упоминается около 50 кремационных могил (Neugebauer 1975, s. 18). Некоторые из них (35 могил) были женскими захоронениями с богато украшенными скандинавскими орнаментами, некоторые - прусскими мужскими захоронениями.

Что касается прусских могил, то больше всего данных у нас имеется по могиле № 40а (Neugebauer 1937, s. 20, Taf. II). Это была кремационная человеческая могила и захоронение лошади. В ямной кремационной могиле были обнаружены железный меч типа *sax* (длина 61 см), две бронзовые шпоры, два бронзовых кольца, бронзовые щипцы, точильный камень и небольшой глиняный сосуд, украшенный ногтевым орнаментом по краю.

В захоронении лошади были остатки узды в виде бронзовых прямоугольных пластин, железной пряжки и железного удила. Информация по остальным прусским могилам никогда не публиковалась полностью, и только на основе кратких заметок при обсуждении скандинавских комплексов, известно, что они, вероятно, были аналогичны могилам с кладбищ, расположенных в северных районах Эльблонга, обнаруженных среди прочего в районе Камионка-Житно (бывший Бенкенштайн) по ул. Крулевска (Königsberger Str.) и на ул. Монюшко (бывшая улица Scharnhorststrasse) - см. в частности: R. Dorr 1914, s. 2-26; B. Ehrlich 1920, s. 178-203; B. Ehrlich 1937b, s. 268-277.

С другой стороны, могильные комплексы со скандинавскими принадлежностями были проанализированы более подробно, хотя публикации по этому поводу следует считать предварительными, представляющие лишь избранные из самых богатых захоронений (B. Ehrlich 1937a, s. 1-17; W. Neugebauer 1937a, s. 19-28).

Среди них три богатейших захоронения - могилы № 7, № 23 и № 41.

В могиле № 7, среди прочего, обнаружены: одна целая и фрагмент другой прямоугольной ажурной застёжки, две бронзовые цепочки собранные из двойных звеньев, две крючковидные цепные застёжки (одна сохранилась фрагментарно), пять бронзовых браслетов и коробкообразная застёжка (рис. 6).

Рис. 6. Эльблог – Новомейское Поле, принадлежности могилы № 7 (по В. Нойгебауэр 1938, s. 3, Abb. 4)

В могиле № 23 были найдены, в том числе: две овальные пряжки, к которым крепились крючковидные застёжки (одна сохранилась), две бронзовые цепочки (сохранился фрагмент одной), собранных из двойных звеньев, два бронзовых браслета, в том числе один с волнистым орнаментом (рис. 7).

Могилы № 41 обнаружена на глубине 20 см от поверхности земли. На плане обозначалась как ямная могила круглой формы диаметром от 50 до 70 см и глубиной около 30 см (рис. 8). Могила была заполнена землей черного цвета и большим количеством обгоревших человеческих костей, среди которых во время исследования все еще можно было различить очертания черепа и челюсти. Принадлежности могилы: две бронзовые пряжки в виде голов животных с железными шпильками для крепления, две бронзовые подвески в виде „колокольчиков” с семью отверстиями для крепления цепей по нижнему краю, вероятно, семь бронзовых цепей (большая часть из них сохранилась только в виде расплавленных фрагментов), кольцо из 90-100 бусин (стекло, бронза), бронзовый ажурный щит (кулон?), украшенный стилизованным животным орнаментом, две продолговатые бронзовые подвески с ажурными пластинами,

коробкообразная застежка (украшенная, в том числе, маленькими человеческими головами), шесть браслетов, в том числе один широкий браслет, щипчики для волос (выборка рис. 9).

Рис. 7. Эльблонг – Новомейское Поле – принадлежности могилы № 23 (по К. Глогеру s. 207, Abb. 70)

Рис. 8. Эльблонг Новомейское Поле – очертания ямной кремационной могилы женского захоронения № 41 (источник: Ehrlich 1937, Tafel IIb)

Рис. 9. Предметы викингов с кладбища Новомейского Поля в Эльблонге из могилы № 41 – выборку подготовил М. Ф. Ягодзинский, рис. Б. Килинский

Как видно из частично реконструированных предметов могил, а также из описания других артефактов (большая часть из них происходила из захоронений, разрушенных во время проведения строительных работ - рис.10; рис.11; рис.12), среди этих предметов обычно были две-три цепочки, которые носили на груди (исключением является могила № 41, где таких цепочек было семь), которые на плечах соединялись специальными крючками с разными видами фибул - в т.ч. равносторонними, овальными, с высоким воротником (*Schnallen mit hohem Rahmen*) а также, как в случае могилы № 41, бронзовыми подвесками в виде „колокольчика”.

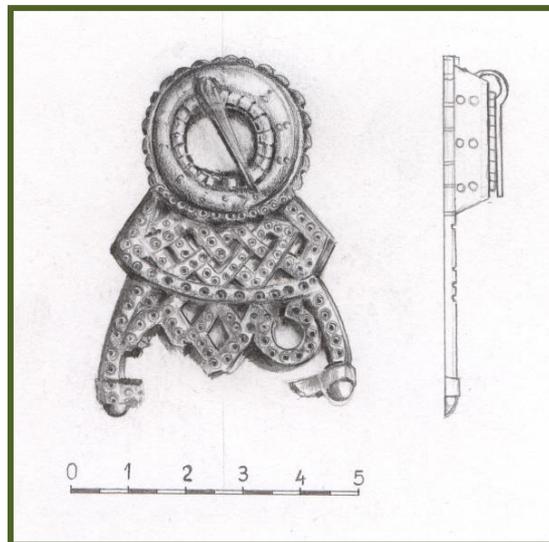

Рис. 10. Эльблонг Новомейское Поле, застежка с высоким воротником из уничтоженной могилы

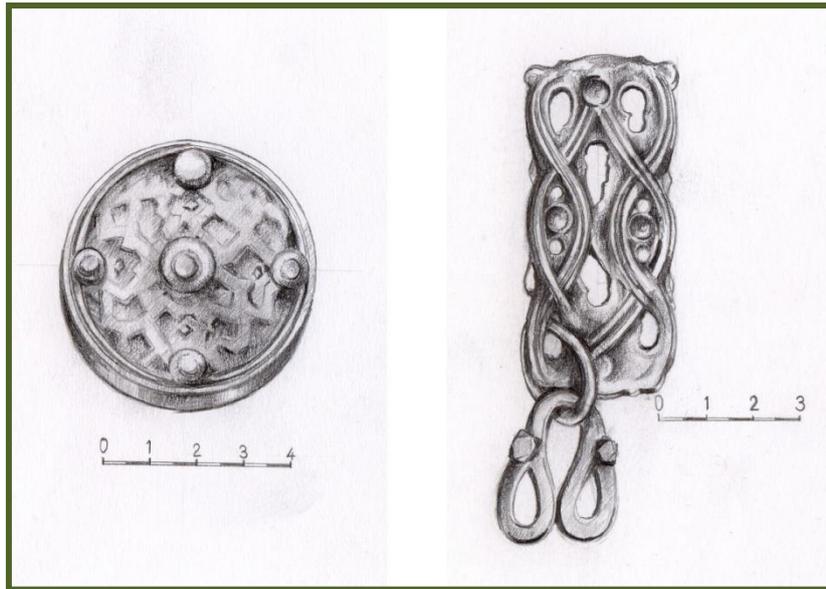

Рис. 11. Скандинавские застёжки с кладбища на Новомейском Поле в Эльблонге из уничтоженных могил

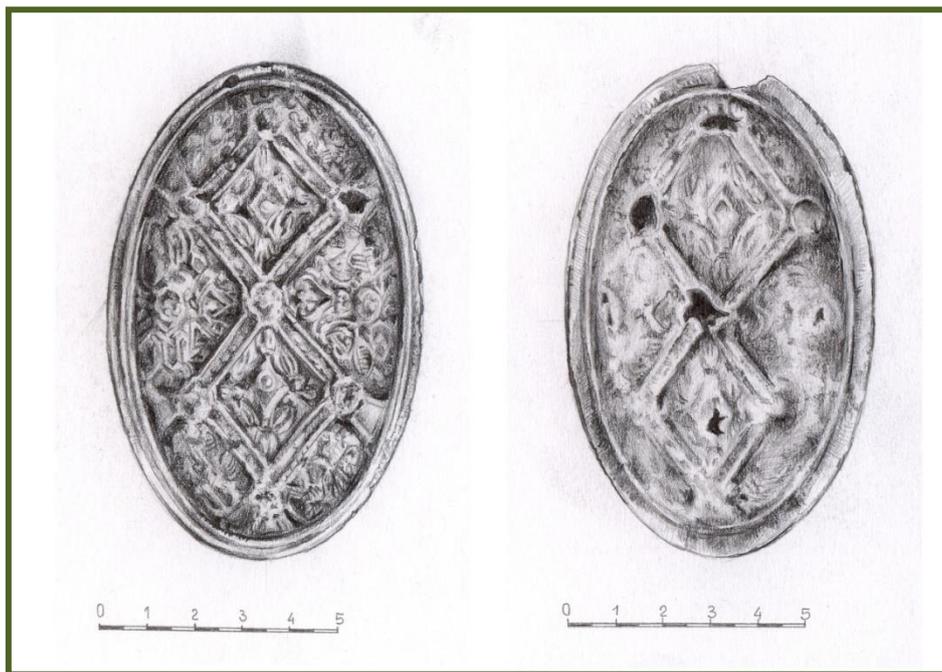

Рис. 12. Скандинавские овальные застёжки из уничтоженной могилы кладбища на Новомейском Поле в Эльблонге

В этих могилах было обнаружено большое количество бронзовых браслетов, а также бронзовых ключей, которые чаще всего носили как подвески (рис. 8, № 6, 8). В могилы также помещались ожерелья из стеклянных, бронзовых и костяных шариков, а также ракушки *Kauri*. Также на этом кладбище найдены две коробкообразные застёжки (рис. 8, № 1; рис. 10, № 5).

Подводя итоги обзора доступной нам информации об обнаружении скандинавских могил на кладбище Новомейского поля, следует подчеркнуть отмеченное немецкими и шведскими археологами очевидное различие, наблюдаемое в формах захоронений, а также в их содержании, по сравнению с ближайшим кладбищем викингов в Кауп-Вискаутен в Самбии⁵. Прежде всего, это в основном захоронения скелетов в курганах, тогда как в Эльблонге мы имеем дело только с кремационными могилами без курганов. Содержание могил Кауп указывает на связь с предметами, найденными на материковой части Швеции, тогда как украшения из Эльблонга имеют в основном аналогию с артефактами кладбища в Гробине и Готланде (Ehrlich 1937a, s. 14). Датирование этих находок было сделано в основном на основе хронологии Биргера Нермана, разработанной для Готланда и Гробины. Некоторые эльблонгские могилы викингов были установлены в VIII веке, наибольшее их количество - в IX, и частично в X веке⁶. В соответствии с этой классификацией также были указаны направления, откуда эти предметы могли прибыть - Готланд для более древнего периода, в котором преобладают характерные готландские формы, и Швеция для более молодого периода, в котором, в свою очередь, преобладают центральные шведские формы.

После войны на этом кладбище было сделано еще одно открытие. В 1957 году, во время работ на приусадебном участке по ул. Лотнича № 38, была обнаружена партия железных предметов: хорошо сохранившееся наконечник копья (тип „E” Петерсена), фрагмент другого наконечника копья, фрагмент ножа и меч (Haftka 1973, s. 21-32). По словам нашедшего, на месте обнаружения находки также находились останки человеческого скелета. Меч был согнут в четырех местах и поломан на три части. При тщательном осмотре и микроскопическом анализе было обнаружено, что он горел (Mazur, Nosek 1973, s. 4-19). Однако, из-за неясного контекста находки (при обнаружении там не было археолога), трудно однозначно утверждать, относилось ли оружие к кремационной могиле или могилы с костями. Не исключено, что меч был изогнут в раскаленном состоянии, что иногда происходило во время траурных церемоний, в том числе в случае могил с костями (Kirpičnikov, Jagodziński 2006, s. 439). По классификации Дж. Петерсена меч относится к типу „H”. На нем есть интересное

⁵ Тема самых последних исследований этого кладбища см.: В. И. Кулаков, 2005, s. 55-79.

⁶ По вопросу датировки и происхождения эльблонгских могил см. также: Б. фон цур Мюлен, 1975; В. Дучко 1997, s. 204-205. На мой взгляд, описанные выше погребальные комплексы и отдельные реликвии из разрушенных могил с кладбища Новомейского поля имеют формы, характерные особенно для периода с VIII до середины IX века.

украшение (маркировка) на обеих сторонах лезвия в виде наклонно расположенных полос узорной сварки стали (рис. 13). Данное украшение следует рассматривать как декоративный знак (характерную особенность) кузнеца (мастера) этого оружия. По определению А. Н. Кирпичникова, знаки, состоящие из наклонных полос, характерны для многих раннесредневековых мечей и обычно связаны с именем мастера или названием мастерской. В случае с эльблонгским мечом кузнец удвоил этот знак, поместив его с обеих сторон лезвия, в то же время отказавшись от написания своего имени. Двусторонняя маркировка, по композиции напоминающая эльблонгский меч, встречается очень редко и может указывать на использование местных вариантов маркировки оружия.

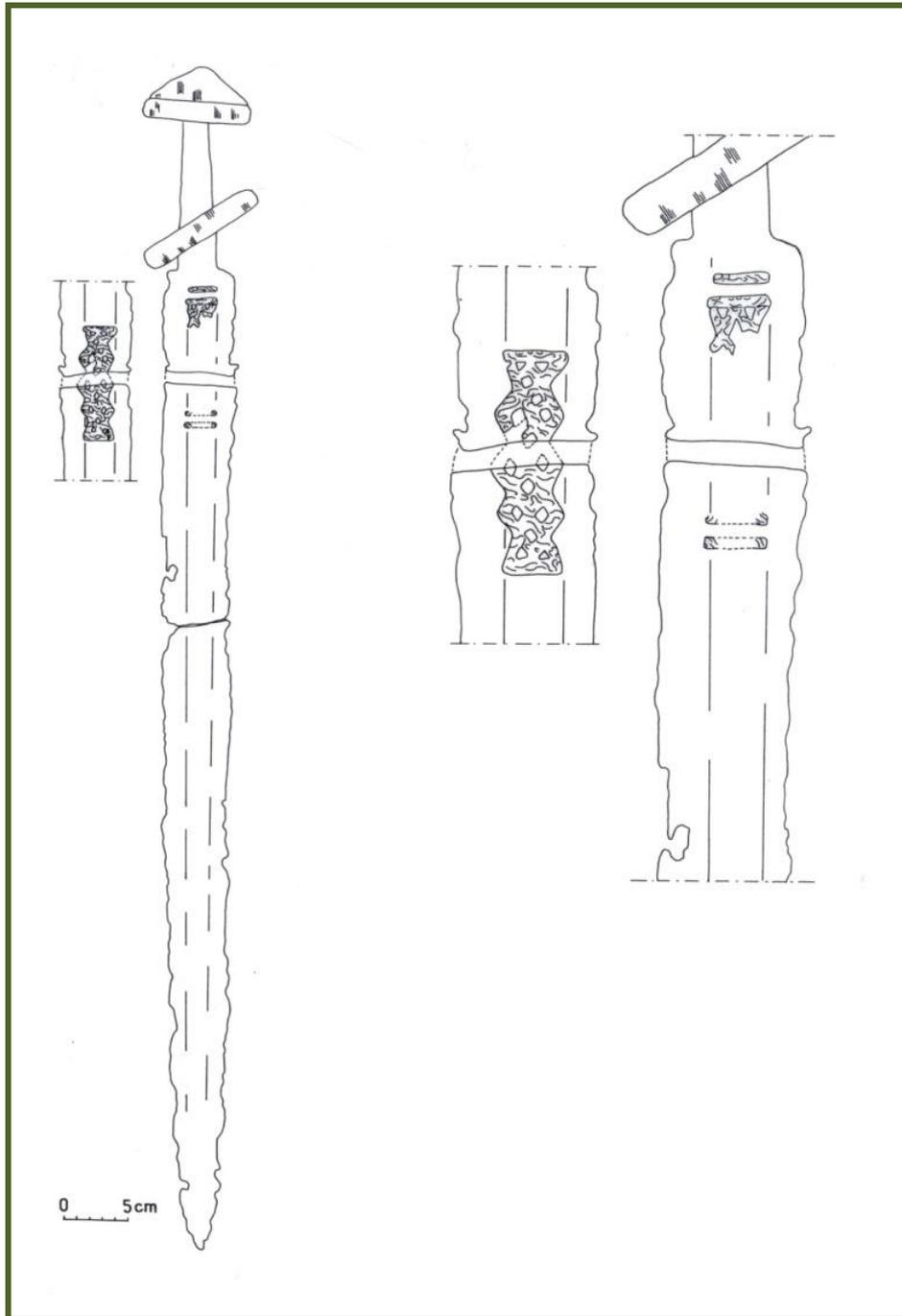

Рис. 13. Железный меч типа Н, найденный на Новомейском Поле в Эльблонге. Рисунок выполнил А. Н. Кирпичников (Kirpičnikov, Jagodziński 2006)

1.3. Характеристика поселения

Реликвии Трусо были обнаружены на давнем славяно-балтийском пограничье. В приморской части граница проходила по реке Эльблонг (*Ilfing*), озеру Дружно и глубокой долине реки Дзежгонь. Расположение эмпориев на пограничьях – определенная закономерность, которая просматривается во многих других поселениях этого типа. Примером может служить Хедебю (*Haithabu*), считавшееся одним из главных *центральных мест* Европы в период викингов - оно было основано на германо-датской пограничье.

Трусо было основано непосредственно на берегу озера Дружно, которое было намного больше в то время (рис. 14), поскольку это был порт. С перспективы исследований, проведенных в Януве Поморском (Трусо), у нас уже есть достаточно данных, чтобы представить пространственный образ этого торгового центра. Прежде всего, довольно точно была определена его площадь, которая в настоящее время оценивается примерно в 20 га (рис. 15).

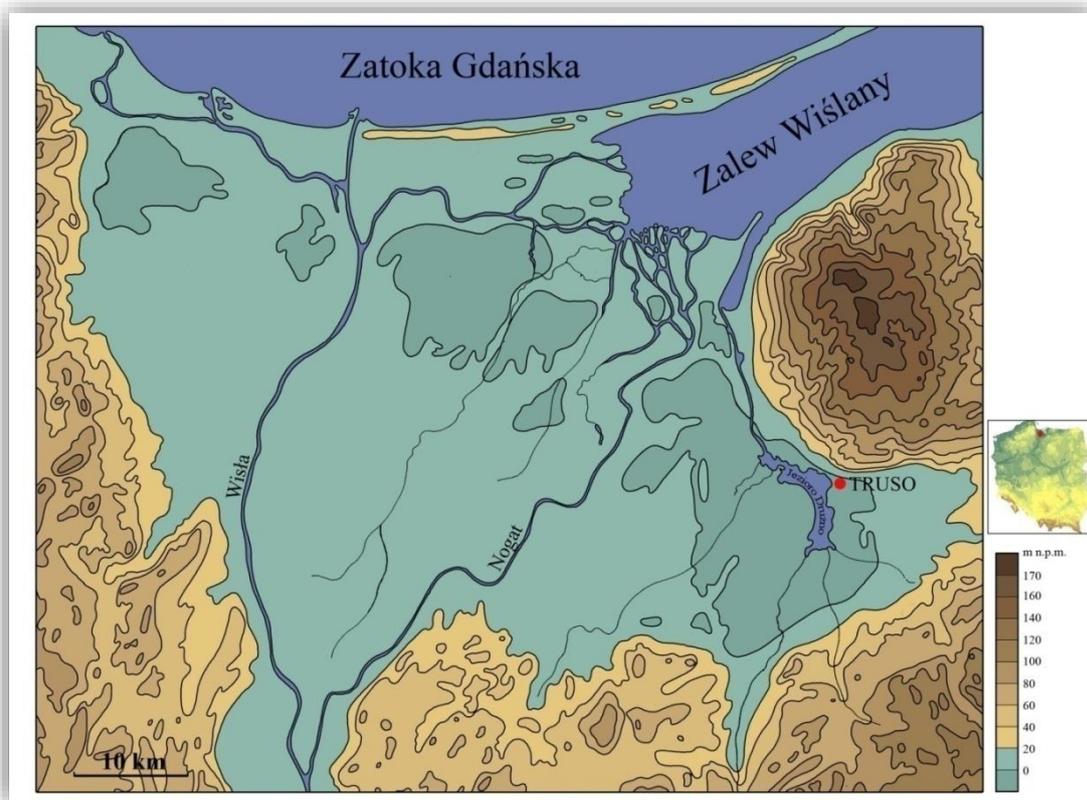

Рис. 14. Расположение Трусо на фоне современной гидрографической карты и карты высот района устья Вислы

Прослеживается четкое разделение всего поселения на отдельные зоны: портовая, центральная и периферийная. Зона порта занимала площадь около 7 га (включая возможные портовые бассейны), центральная зона занимала площадь около 6 га, а периферийная зона занимала площадь около 7 га (рис. 16).

Рис. 15. Расположение поселения на фоне топографической карты в масштабе 1: 10000. Диагональной сеткой отмечена область, где находятся артефакты, объекты и культурные слои.

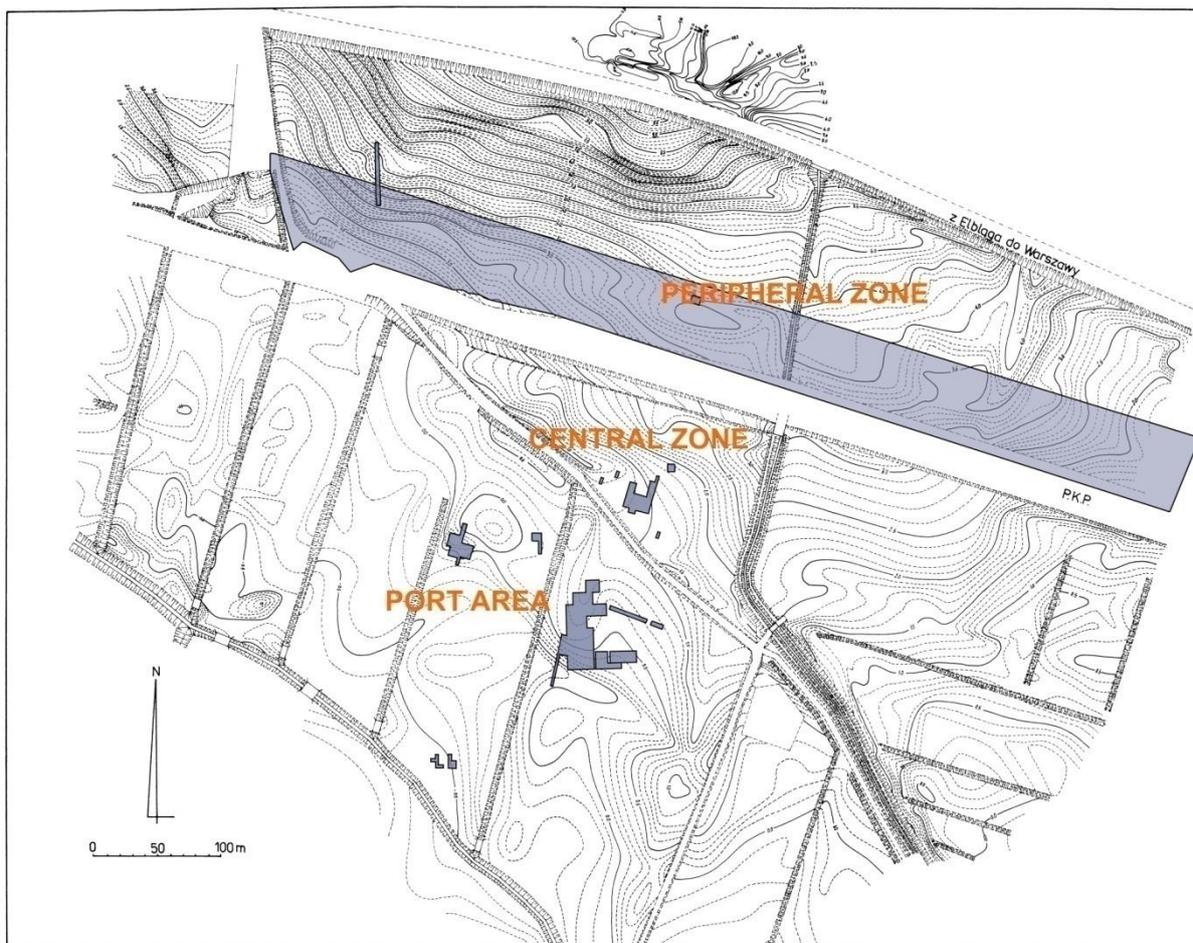

Рис. 16. Контурная карта поселения в Янове-Поморском. Обозначенные исследовательские раскопки и зоны: портовая, центральная и периферийная.

Каждая из этих зон выполняла разные функции и имела разную застройку. Предыдущие исследования показали, что, по крайней мере, часть портовой и центральной зоны поселения была разделена на регулярные участки, ширина которых составляла примерно 10-11 м, а длина 25-30 м. В центральной зоне все идентифицированные участки располагались более длинной осью параллельно к береговой линии (Brather, Jagodziński 2012, s. 284-296), тогда как в портовой зоне большинство участков располагались более короткой стороной к береговой линии (Jagodziński 2010, s. 77-85), вероятно, дело было в доступе к воде как можно большего числа участков. В пределах участков были обнаружены остатки домов столбчатой или фундаментально-столбчатой конструкции, параметры которых в горизонтальной проекции в большинстве случаев составляли 5×10 м и 6×21 м соответственно. Хотя были и исключения из этой схемы, но примечательной была регулярная планировка всех домов, расположенных в пределах участков, вдоль регулируемого ручья и путей сообщения (рис. 17).

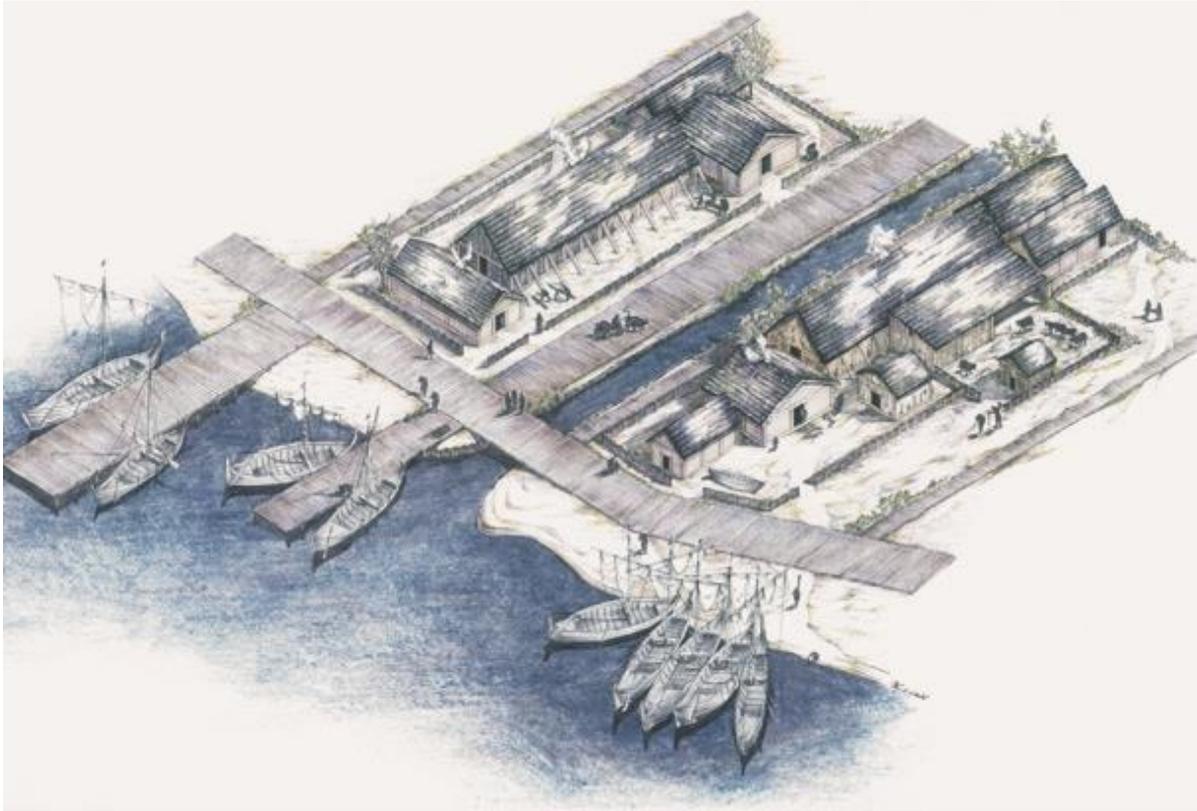

Рис. 17. Пример реконструкции фрагмента застройки портовой зоны поселения, сделанный на основе результатов раскопок и исследования поверхности - реконструкция Марека Ф. Ягодзинского; рисунок Богдана Килинского

В основном это были тройные дома с открытыми очагами, которые обычно располагались в центральных частях домов. В большинстве зданий также были обнаружены остатки ткацких мастерских (Jagodziński, 2017). Обнаруженная в центральной части дренажная канава, проходящая более или менее параллельно береговой линии, не только отводила излишки воды из этой части поселения, но и обозначала важную разделительную линию поселения на его наземной части. Решающим фактором в расположении участков стал естественный водоток, текущий с Эльблонгской возвышенности (с севера) в воды озера Дружно, простирающиеся к югу от поселения. Русло водотока было урегулировано, а направления потока были преднамеренно направлены, как в случае с Хедебю. Тогда как, в периферийной зоне было обнаружено диаметрально противоположную застройку – в основном это были небольшие полуземлянки, расположенные довольно свободным образом вдоль гипотетически обозначенных путей сообщения (Michał Auch, Mateusz Bogucki, Maciej Trzeciecki 2012, s. 124-165)

Кузнецы, имевшие в Трусо свои мастерские, из привозных слитков железа, а также из местных залежей болотной руды изготавливали различные виды

инструментов и оружия. Это были ножи (изготавливаемые с использованием так называемой техники *sandwich*, характерной для скандинавского кузнечного дела), серпы, ключи, наконечники стрел и копий, а также мечи. Среди изделий кузнечных мастерских, следует отметить чрезвычайно широкий ассортимент конструктивных элементов, таких как заклепки, гвозди, проволока, звенья цепочек и крюки.

Были также мастерские по обработке оленьих рогов и костей. Они производили, наряду с различными видами рамок, облицовок или фигур для настольной игры *hnefatafl*, в основном гребни. Предполагается, что эти мастерские работали в основном для нужд далеких рынков и для самих жителей этих центров.

Специалисты, которые занимались металлопластикой и ювелирными изделиями, изготавливали различного вида украшения, представляющие с точки зрения орнамента и используемых техник, типичный образец скандинавского ремесла. К таким изделиям относятся серебряные и бронзовые застёжки в форме диска, бронзовые округлые, равносторонние, овальные и трехлистные застёжки, бронзовые шпильки и бронзовые цепочки, связанные со способом их ношения. Изготавливались также различные виды амулетов, в т.ч. серебряные и бронзовые кольца и подвески, относящиеся к культу Одина, Тора и Локи.

В Трусо очень четко обозначили свое присутствие стекольщики. Об этом свидетельствуют открытые стекольные мастерские с очагами, вокруг которых были обнаружены заготовки бусин, характерные отходы производства и стеклобой. Импортированные (Рейнская область и Византия) фрагментированные стеклянные сосуды и стеклянные мозаичные кубики переделывались в различные типы бусин, в основном изготовленные методом вытягивания, намотки, выдувания и прессования.

Одной из самых многочисленных категорий предметов, добытых при раскопках в Трусо, было янтарное сырье и различные виды изделий из янтаря. К настоящему времени собрана значительная коллекция янтаря весом в несколько десятков килограммов. Большая часть находок – это производственные отходы, а также недоделанные, поврежденные и брошенные на разных стадиях обработки, изделия. Из янтаря изготавливали бусины, игровые фигурки и подвески разного размера, среди которых особое место занимают молоты Тора, а также символы новой веры – латинские кресты.

*

Подводя итог, можно сказать, что, как и структура поселения, так и обнаруженные и культурно идентифицированные артефакты, указывают на скандинавское происхождение строителей и жителей этого эмпория. Контакты скандинавов с балтами хорошо задокументированы с VI века. Как указано в разделе 1.2. *Скандинавские могилы на кладбищах эльблонгской агломерации*, скандинавские захоронения VIII-IX/X вв., обнаруженные на территории Эльблонга, в нескольких километрах к северу от поселения Трусо, указывают на то, что в период викингов (VIII-XI вв.) здесь должна была присутствовать другая группа скандинавов, которые, вероятно, не имели прямого отношения к жителям этого торгового центра. Природа их присутствия до сих пор не выяснена, и основным препятствием на пути решения этого вопроса является раздробленность исследований поселений эльблонгской агломерации, которые проводились в межвоенный период (например, Эльблонг Варшавское Предместье, где было обнаружено здание столбчатой конструкции; Эрлих 1936, s. 239) и в конце 1950-х годов (Kamińska 1959, s. 35-48).

Противоположная ситуация с Трусо. Этот эмпорий был обнаружен и тщательно исследован. Однако вопрос кладбища этого поселения остается нерешенным. При поиске связанного с ним кладбища следует принимать во внимание другие центры периода викингов, действовавшие в бассейне Балтийского моря - например, Хедебю, Бирка или Волин. Во всех этих случаях кладбища располагались возле этих поселений. Что же касается Трусо, у нас есть некоторые предпосылки думать, что кладбище может быть расположено прямо к северо-западу от поселения.

1.4. Информация Зигфрида Ангера об открытии 1868 года

В 1866 году капитан Адольф Эггерт, владелец поместья Хансдорф, построил величественный дворец на месте бывшего большого укрепленного замка или усадьбы. Зигфрид Ангер, председатель Эльблонгского общества древностей (Elbinger Altertumsgesellschaft), посетил поместье Хансдорф 12 лет спустя. Он опубликовал отчет об этом визите в журнале „Zeitschrift für Ethnologie” (Anger 1878, s. 198–199; рис. 18).

Вот его содержание:

Новый сезон моих археологических исследований начнется в ближайшие дни. Во-первых, я собираюсь провести раскопки в поместье Хансдорф (ныне Янув гмина Эльблонг) возле Пруссии Марк (ныне Пшезмарка гмина Эльблонг). Хозяйка этого рыцарского поместья жена майора Эггерта очень любезно откликнулась на мою просьбу. Недавно она прислала мне хорошо сохранившийся топор из рогов лося. Его нашли во время земляных работ при строящемся здании на глубине 9 футов. Это открытие, а также сообщения моего почтенного и надежного Плата, который около 10 лет назад засаживал двор Янувского поселения и обнаружил скорлупу, пепел, уголь, „жуткие” зубы и человеческие скелеты, заставляют меня с большим напряжением ожидать результатов наших исследований. Одно можно сказать наверняка - если только Вульфстан не придумал свой отчет, если Трусо действительно существовал и не находился недалеко от Эльблонга на месте Новомейского поля, маловероятно, что он мог бы находиться где-либо еще, кроме как в окрестностях Янува. Именно здесь, где гряда холмов ступенчато спускается к берегам озера Дружно, а на плато, по которому проложена дорога и железнодорожная насыпь, достаточно места, чтобы разместить еще больше поселений, чем один Трусо. Наконец, это единственное место, где много лет назад корабли могли без проблем заходить в озеро, потому что только здесь в озеро не впадают реки или ручьи, которые могли бы выравнивать его дно. Перевод на польский: Ежи Рейхерт, Йоанна Школьница Историко-археологический музей Эльблонг.

Über Ausgrabungen in der Gegend von Elbing.

Die neue Saison meiner archäologischen Untersuchungen beginnt in den nächsten Tagen. Ich gedenke, den Spaten zunächst in Hansdorf bei Pr. Mark einzusetzen. Frau Rittergutsbesitzer Major Eggert hat auf meine Anfrage in der liebenswertesten Weise zustimmend geantwortet. Sie hat mir vor kurzem eine wohlerhaltene, aus einem Geweihstiel eines Elchs gearbeitete Axt übersendet. Dieselbe ist bei den Fundamentierungsarbeiten eines zu errichtenden Gebäudes 9 Fuss tief in der Erde gefunden worden. Dieser Fund und die Mittheilungen meines braven und durchaus zuverlässigen Plath, welcher vor etwa 10 Jahren den Hofplatz in Hansdorf planirte und dabei Scherben, Asche, Kohle, „ungeheure“ Zähne und menschliche Skelette gefunden hat, machen mich auf das Resultat meiner

Digitized by Google

(199)

Nachforschungen äusserst gespannt. — So viel ist sicher: Wenn Wulfstan sich seinen Bericht nicht etwa erdacht hat, wenn ein Truso wirklich vorhanden gewesen ist und wenn dasselbe sich nicht bei Elbing auf dem Neustädterfelde befunden haben sollte, so kann es füglich kaum wo anders als gerade bei Hansdorf gelegen haben. Denn gerade hier geht der Höhenzug mit einer Terasse bis hart an den Drausensee heran, auf dem von der Chaussee und dem Bahndamme durchschnittenen Plateau ist Raum für mehr als ein Truso vorhanden, und nur an dieser einen Stelle hat auch in früheren Jahrhunderten ein bequemer Landungsplatz existiren können, weil nur an dieser Stelle keine Flösschen und Bäche in den See hineinfließen und sein Bett verflachen.

Рис. 18. Копия фрагмента отчета д-ра Зигфрида Ангера о своем пребывании в поместье Хансдорф, напечатанная в журнале „Zeitschrift für Ethnologie“ 1878 года (источник: Google)

Отчет Ангера не оставляет сомнений в том, что в ходе подготовки грунта площади перед дворцом в Януве были обнаружены остатки кладбища. Найденные здесь скорлупа, пепел, уголь и человеческие скелеты из-за поверхностного описания трудно однозначно интерпретировать в контексте хронологии. Стоит добавить, что описание было сделано на основе рассказа надзирателя Плата, который, вероятно, отвечал только за надлежащее выполнение земляных работ и не имел никакого отношения к археологии. Несомненно, это было скелетное кладбище и, вероятно, имело кремационные могилы (пепел, уголь). Единственная предпосылка того, что здесь были похоронены скандинавы периода викингов, - упомянутые в отчете „жуткие“ зубы („ungeheure“ Zähne). Сегодня мы знаем, благодаря находкам целой серии скандинавских захоронений с модифицированными зубами (например, в Коппарсвике на Готланде; Toplak 2015, s. 77-97), что процедура „декоративного“ надреза зубов использовался в Скандинавии в эпоху викингов – процедура, безусловно, была болезненной, но эффективной. Поэтому неудивительно, что Плат запомнил такие зубы,

описав их как нечто необычное, тревожное или жуткое (рис. 19). Тот факт, что в то время о таких находках не было известно, доказывает, что это было не вымышленное определение, а описание особого состояния сохранности зубов похороненных здесь людей - скандинавов.

Рис. 19. Фрагмент черепа мужчины с подпиленными зубами, найденный в Коппарсвике на Готланде. Источник: G. Williams, P. Penz, M. Wemhoff red. 2013, s. 80

Здесь необходимо процитировать интерпретацию обычая модификации зубов, напечатанную в статье вышеупомянутого Матиаса С. Топлака: *„Большинство мужчин с модифицированными зубами были похоронены в важных торговых центрах, таких как Бирка, Сигтуна, Коппарсвик, недалеко от нынешних Висби, Слитеторга, Отемсна на северном побережье Готланда или на территории южной Швеции в Треллеборге. Эта потенциальная связь с ранними торговыми центрами и торговой деятельностью, а также ограниченный обзор модификаций зубов, которые, кажется, отражают определенную идентичность и происхождение, позволяют предположить, что это была практика, которая была частью обрядов перехода и опознавательным знаком для закрытой группы торговцев, т. е. что-то вроде более поздних гильдий. Существование ранних торговых сообществ или гильдий подтверждается так называемыми *Gildsteine* в Сигтуне и Остерготланде, в которых прямо упоминаются „фризские гильдии” и „братья по гильдиям”. Следуя этому предположению, члены такой замкнутой группы торговцев могли узнавать друг друга по спиленным зубам и, таким образом, получать некоторое коммерческое преимущество, защиту или другие привилегии, которые перекликались с концепциями, известными среди торговых гильдий позднего средневековья”.*

Потенциальное присутствие человеческих скелетов с такими видоизмененными зубами на кладбище, связанном с торговым центром Трусо, может быть еще одним доказательством истинности тезиса, выдвинутого в статье Топлака о том, что это могилы торговцев. Это также указывало бы на то, что скелеты, обнаруженные Платом во время подготовки грунта, относятся к периоду викингов и что он обнаружил часть кладбища, связанного с Трусо.

Результаты представленного выше библиографического запроса и анализ значения записи Ангера легли в основу геофизических и раскопочных исследований площади перед дворцом в Януве.

2. Археологические раскопки

Археологические раскопки проводились с 1 сентября по 3 октября 2020 года на территории дворцового комплекса в Янувe, внесенного в реестр недвижимых памятников под номером А-1217. Археологические раскопки проводились в соответствии с условиями, содержащимися в Разрешении Консерватора исторических памятников Варминско-Мазурского воеводства в Ольштыне - представительство в Эльблонге на проведение архeологических раскопок на участке № 17 в обл. 0014 Коморово-Жулавске гмина Эльблонг, повят Эльблонгский, Варминско-Мазурское воеводство (WUOZ-ELBKLAG.5161.8.2020.MMA).

В исследованиях участвовали:

д-р Марек Ф. Ягодзинский – архeолог, руководитель раскопок, Историко-археологический музей Эльблонг;

магистр Павел Влизло – архeолог, заместитель руководителя раскопок, Историко-археологический музей Эльблонг;

магистр Гжегож Стаселович – архeолог, Историко-археологический музей Эльблонг;

д-р Мирослав Марчинковаки – архeолог, Историко-археологический музей Эльблонг;

магистр Ежи Рейхерт – архeолог;

Агата Гжендзжельска – закончила обучение I ступени дневного обучения в Варшавском университете по специальности архeология;

студенты Гданьского университета специальности Археология – Давид Чиховский, Шимон Крушиньский, Михал Травицкий, Зофия Шутенберг.

В раскопках также участвовали волонтеры:

магистр Камиль Рабиега, архeолог, аспирант Университета кардинала Стефана Вышинского в Варшаве;

Филип Щепаньский.

Основной исследовательский раскоп был сделан в местах четких и регулярных аномалий, зафиксированных во время неинвазивных геофизических измерений (рис. 20; рис. 21). По оценке Фабиана Велца, „принимая во внимание размер зафиксированных аномальных зон и их геометрию, мы можем предположить, что они являются отголоском структур поселений, скорее всего, прямоугольных в плане построек размером примерно 10 на 10 метров” (Welc 2020). Кроме того, было сделано 11 небольших зондовых раскопов, по всей территории исследуемой площади перед дворцом (срав. Рис. 22; Рис. 23). Зондажи были направлены на выявление стратиграфии исследуемой территории и, в частности, на выяснение, остались ли какие-либо фрагменты кладбища после подготовки грунта в 1868 году.

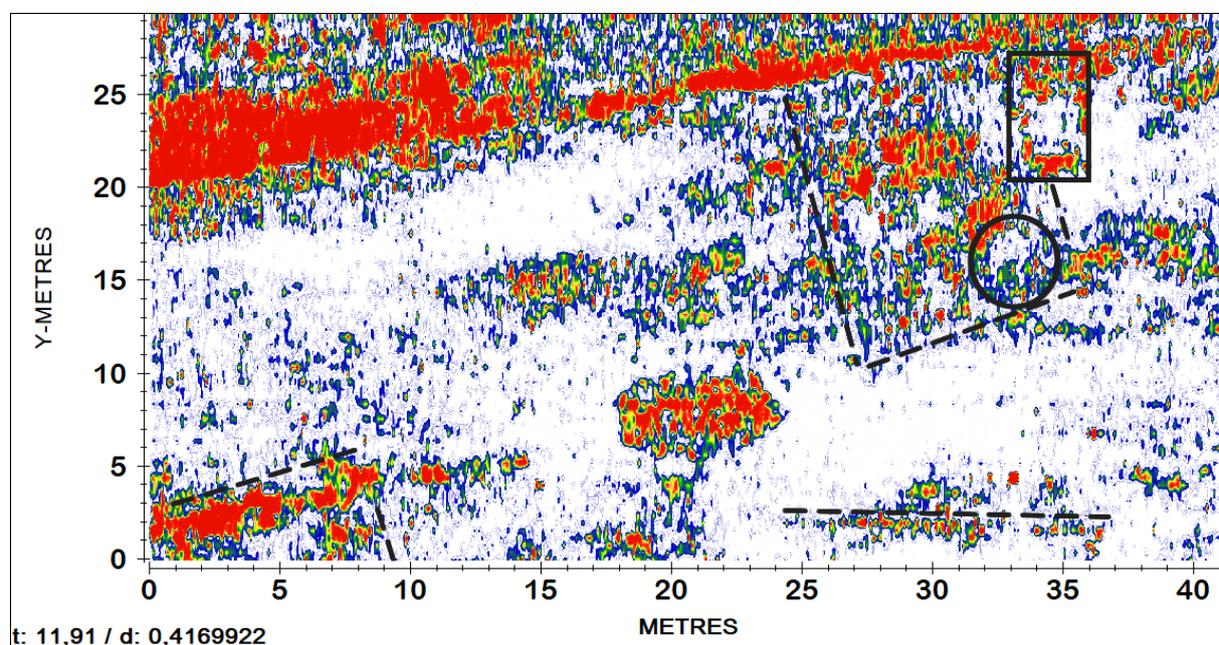

Рис. 20. План GPR глубина ок. 0,40 м с обозначением самых главных аномальных комплексов (детальное описание: Велц 2020)

Рис. 21. Расположение полигона и результаты георадарного профилирования в пределах полигона 1А (Welc 2020)

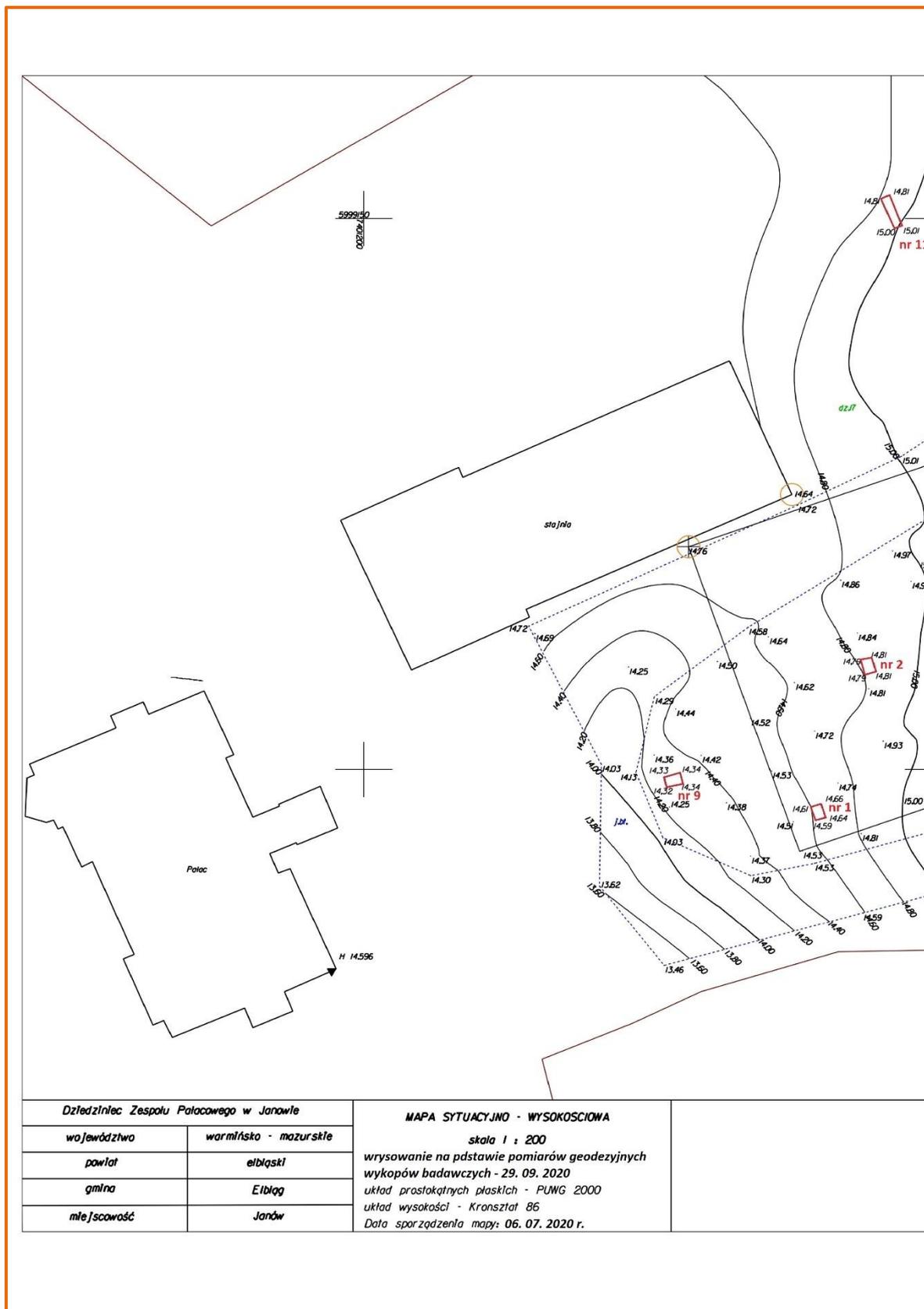

Рис. 22. Ситуационная и высотная карта внутреннего двора дворцового комплекса в Януве, западная часть, масштаб 1: 200. Красным цветом и цифрами обозначены зондажные раскопы

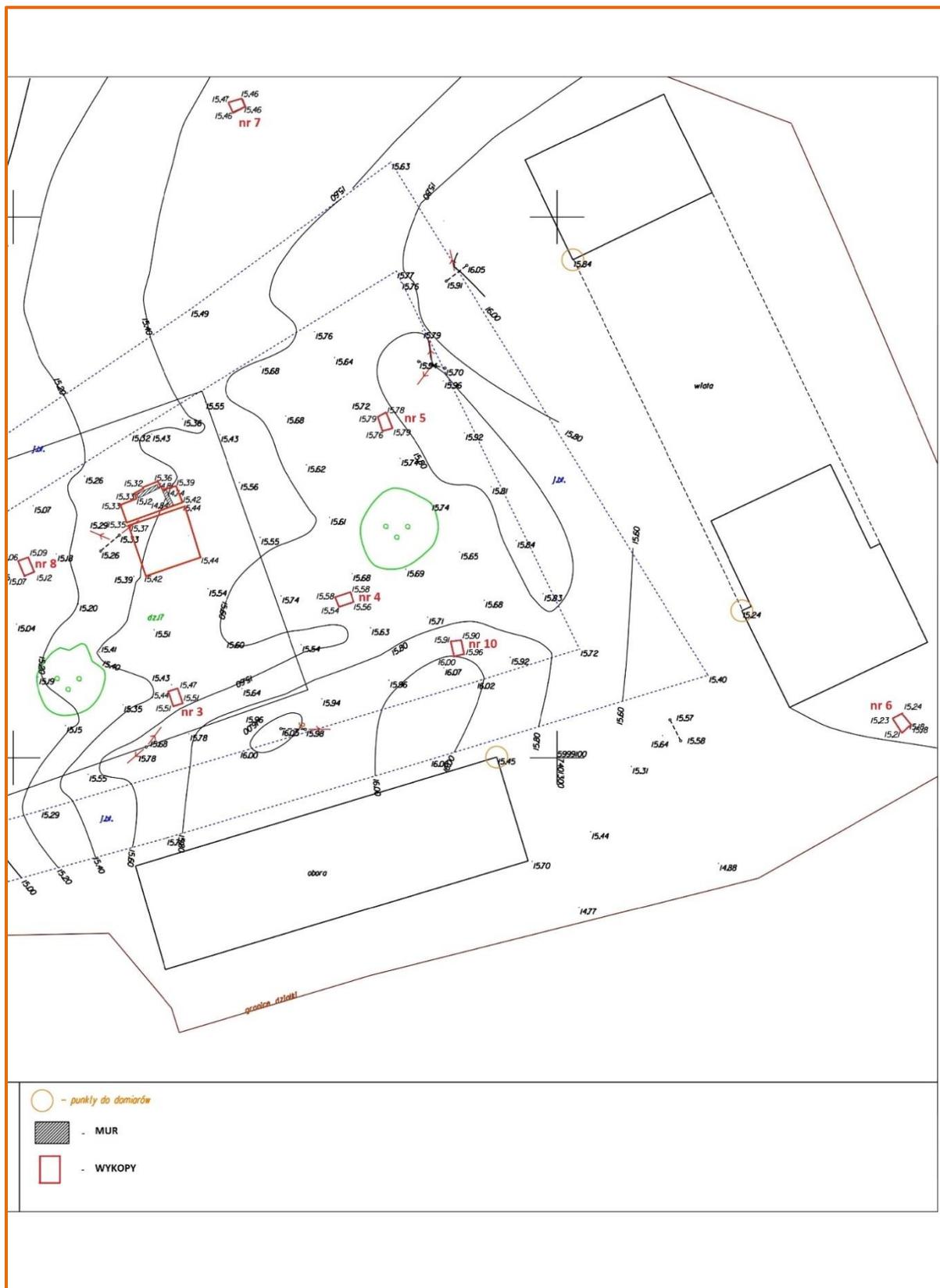

Рис. 23. Ситуационная и высотная карта внутреннего двора дворцового комплекса в Януве, восточная часть, масштаб 1: 200. Красным цветом и цифрами обозначены зондажные раскопы

Janów-Pałac

Janów, gm. Elbląg
woj. warmińsko-
mazurskie

Badania archeologiczne
Muzeum
Archeologiczno-Historycznego
w Elblągu
2020 r.

Kierownik badań:
dr Marek F. Jagodziński

Rys. 1: Plan wykopów
badawczych

Autor:
mgr Kamil Rabięga

0 5 10 15 20 m

Рис. 24. Фотограмметрическая документация площади перед дворцом в Януве с отмеченными исследовательскими раскопами – основной раскоп и 4 зондажи. Составил Камил Рabięга

Рис. 25. Фотограмметрическая документация площади перед дворцом в Януге ч. 1 – отмечено расположение зондажей № 1 и № 2. Составил Камил Рабиега

Рис. 26. Фотограмметрическая документация площади перед дворцом в Януге ч. 2 – отмечено расположение зондажей № 3 и № 4 и главного раскопа. Составил Камиль Рабиега

2.1. Зондаж № 1 – расположение см рис. 22; рис. 24; рис. 25

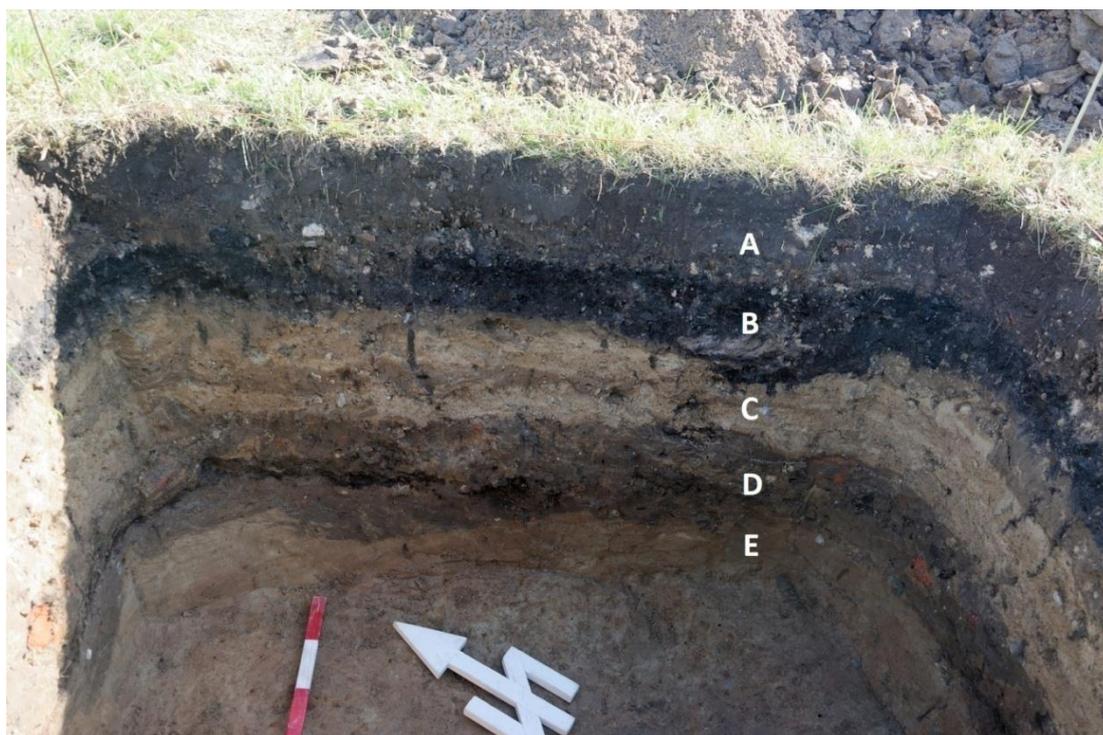

Рис. 27. Зондаж № 1, восточный профиль раскопа. Фото П. Влизло

Стратиграфия раскопа:

А - перегной + подпочва, образованные современным нивелировочным слоем в виде разнозернистого песка, смешанного с гравием, кусочками раствора и обломками кирпичей, толщиной примерно до 23 см;

В - современный нивелировочный слой в виде древесного угля и кузнечного шлака толщиной от 10 до 20 см;

С - современный нивелировочный слой в виде разнозернистого песка толщиной от 20 до 25 см;

Д - нивелировочный слой в виде разнозернистого песка перемешанного с современным строительным мусором толщиной от 25 до 30 см;

Е – порода с ненарушенной структурой на глубине около 80 см от поверхности – плотные глинистые пески, в лежащем боку встречаются валуны (рис. 28, II).

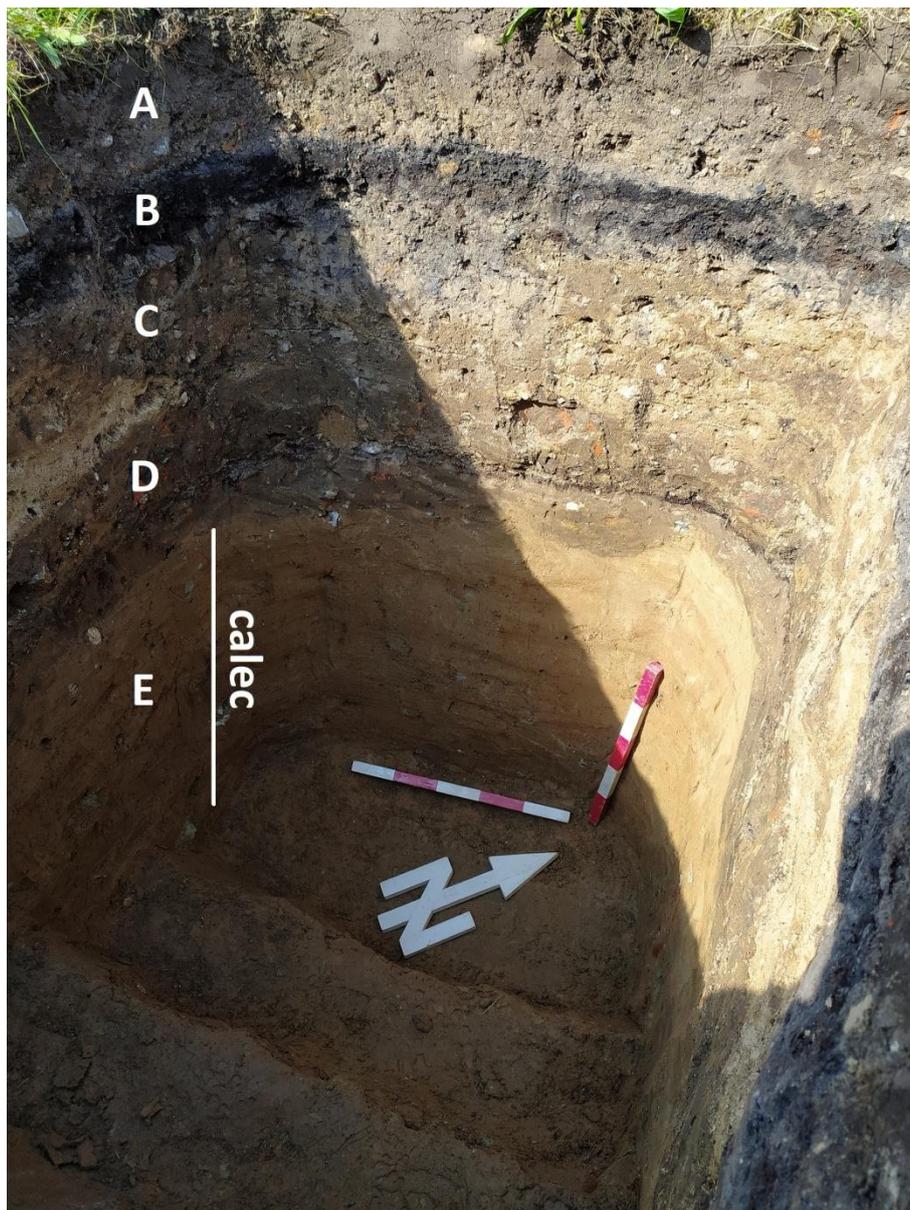

Рис. 28. Зондаж № 1, В, С. D – современные нивелировочные слои; E– порода с ненарушенной структурой. Фото П. Влизло

2.2. Зондаж № 2– расположение см. рис. 22; рис. 24; рис. 25

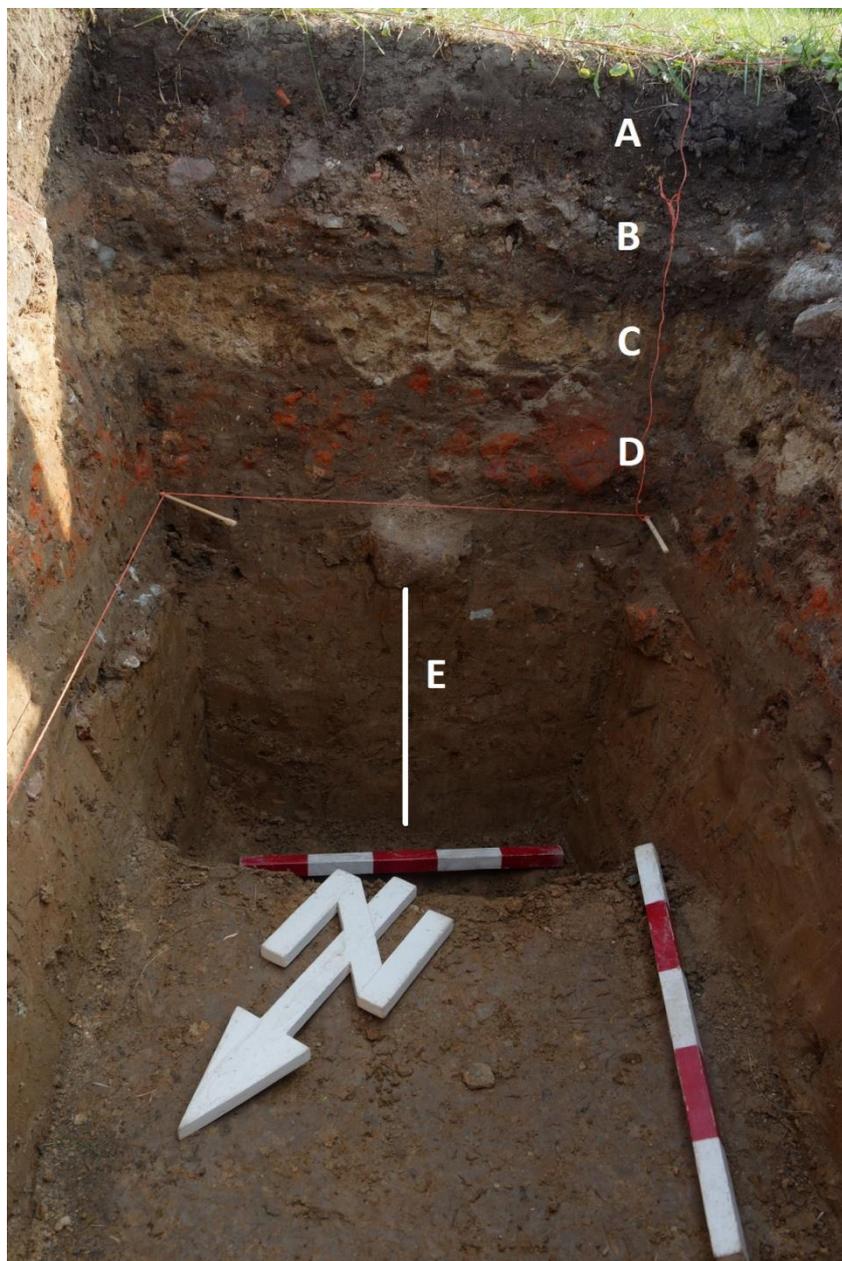

Рис. 29. Зондаж № 2, южный профиль. Фото П. Влизло

Стратиграфия раскопа:

A - перегной + подпочва, образованные современным нивелировочным слоем в виде разнозернистого песка, смешанного с гравием, кусочками раствора и обломками кирпичей, толщиной примерно до 20 см;

В - современный нивелировочный слой в виде небольших полевых камней (бывший уровень мостовой), смешанный с глиной, разнозернистым песком и небольшим количеством древесного угля, толщиной до 20 см;

С - современный нивелировочный слой в виде разнозернистого песка и гравия толщиной от 10 до 17 см;

Д - нивелировочный слой в виде разнозернистого песка, в верхней части с большим количеством современного строительного мусора (в основном разбитые кирпичи) толщиной до 30 см;

Е - порода с ненарушенной структурой на глубине около 85 см от поверхности - плотные глинистые пески (валунная глина) с железистыми включениями.

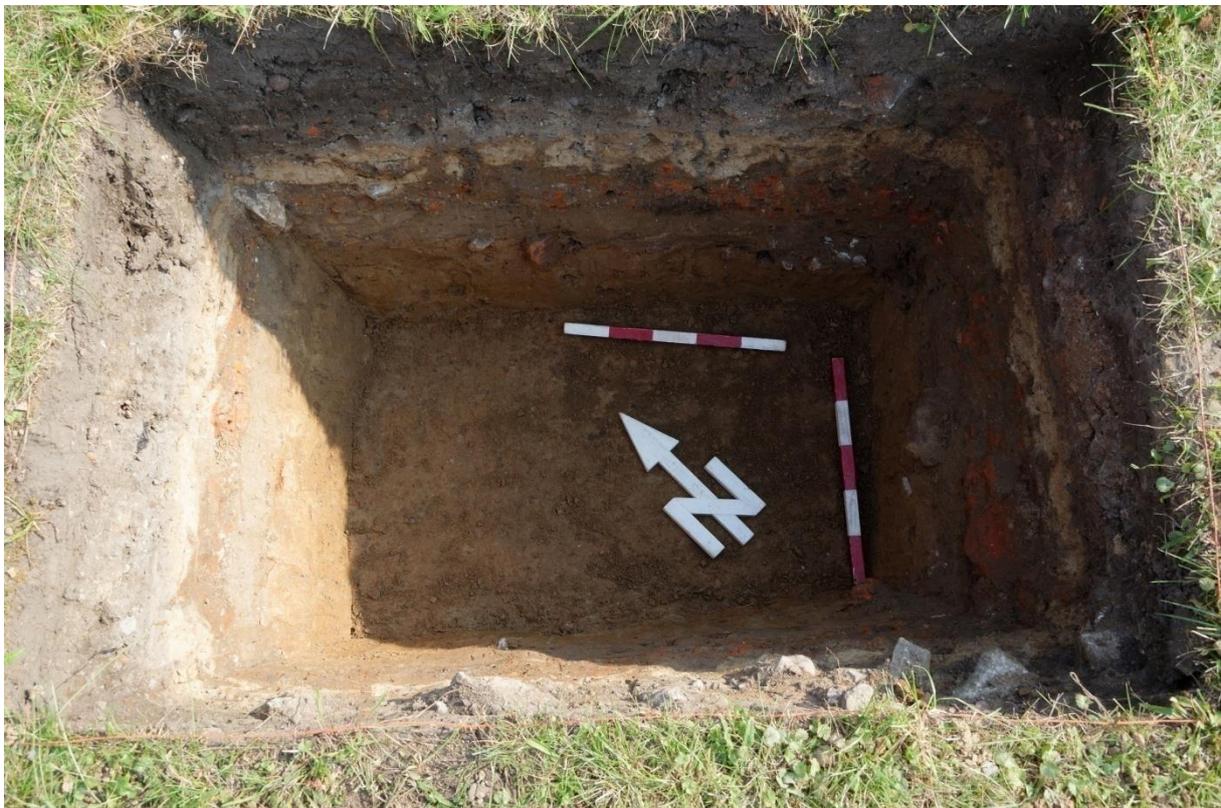

Рис. 30. Зондаж № 2, план раскопа на уровне ок. 140 см от поверхности. Фото П. Влизло

2.3. Зондаж № 3 – расположение см. рис. 23; рис. 24; рис. 26

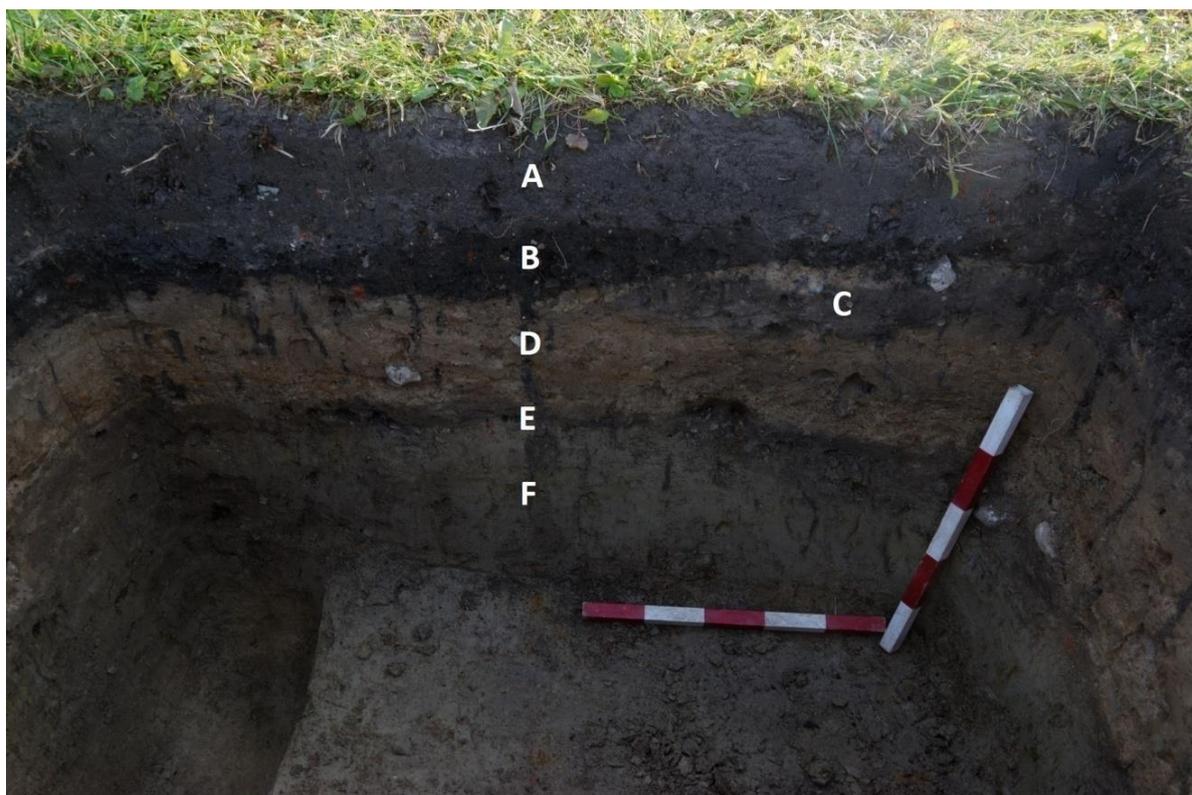

Рис. 31. Зондаж № 3, западный профиль. Фото П. Влизло

Стратиграфия раскопа:

А - перегной + подпочва, образованные современным нивелировочным слоем в виде разнозернистого песка, смешанного с гравием, кусочками раствора, обломками кирпичей и древесным углем, толщиной примерно до 20 см;

В – выклинивающийся современный нивелировочный слой в виде древесного угля и кузнечного шлака толщиной от 1 до 15 см;

С - выклинивающийся современный нивелировочный слой в виде разнозернистого песка перемешанного с древесным углем толщиной от 1 до 15 см;

Д - нивелировочный слой в виде разнозернистого песка и гравия толщиной от 15 до 20 см;

Е – тонкий нивелировочный слой в виде разнозернистого песка перемешанного с большим количеством древесного угля толщиной примерно 3 см;

Ф – порода с ненарушенной структурой на глубине примерно 78 см от поверхности – плотные глинистые пески (валунная глина) с железистыми включениями

Рис. 32. Зондаж № 3, южный профиль. Фото П. Влизло

2.4. Зондаж № 4 – расположение см. рис. 23; рис. 24; рис. 26

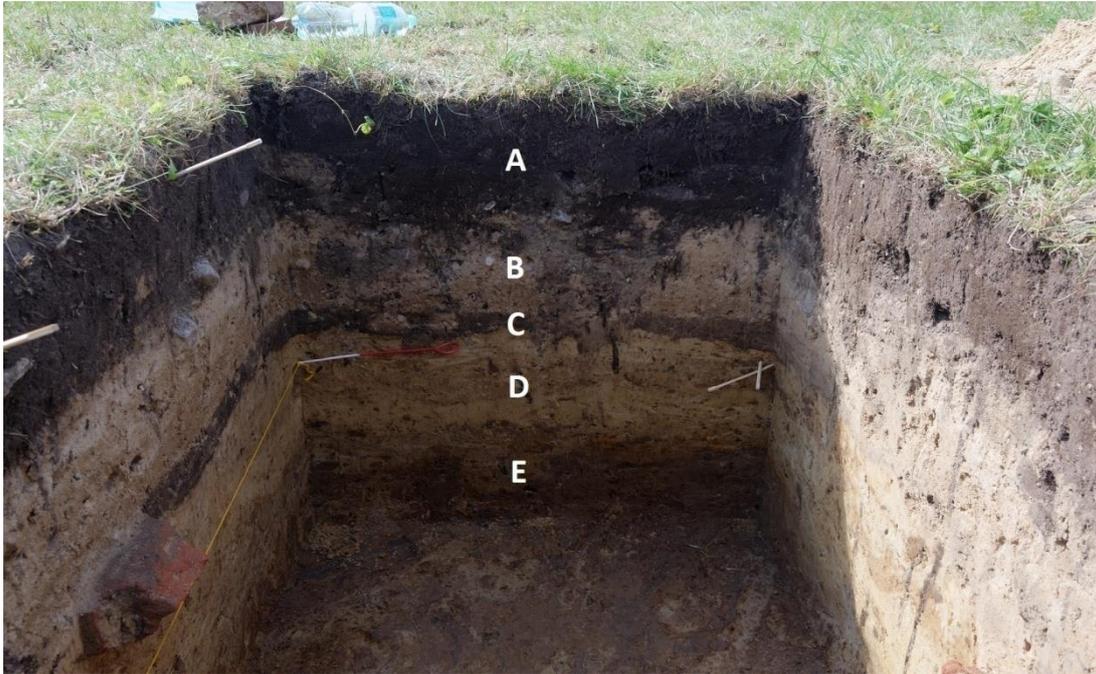

Рис. 33. Зондаж № 4, восточный профиль

Стратиграфия раскопа:

А - перегной + подпочва толщиной примерно до 25 см;

В - нивелировочный слой в виде разнозернистого песка и гравия толщиной примерно до 30 см;

С - нивелировочный слой в виде разнозернистого песка с содержанием древесного угля и кирпичей толщиной от 6 до 15 см;

Д - нивелировочный слой в виде разнозернистого песка толщиной до 35 см;

Е - порода с ненарушенной структурой, плотные глинистые пески – на глубине примерно 105 см от поверхности.

**Рис. 34. Зондаж № 4, вид на срез породы с ненарушенной структурой – плотный глинистый песок.
Фото П. Влизло**

Рис. 35. Зондаж № 4, фрагмент северного профиля, ниже среза породы с ненарушенной структурой, который состоял из плотного глиняного песка, присутствовали слои разнозернистого песка в слоистой структуре, ниже 190 см от поверхности присутствовали грунтовые воды. Фото П. Влизло

2.5. Зондаж № 5 – расположение см. рис. 23

Рис. 36. Зондаж № 5, северный профиль. Фото М. Ф. Ягодзинский

Стратиграфия раскопа – северный профиль:

А– перегной и подпочва толщиной примерно 35 см;

В - современный нивелировочный слой в виде разнозернистого песка, перемешанного с древесным углем толщиной примерно 10 см;

С – современный нивелировочный слой в виде разнозернистого песка из гравия толщиной примерно 25 см;

Д - современный нивелировочный слой в виде разнозернистого песка с древесным углем и перегноем толщиной примерно 25 см;

Е - современный нивелировочный слой в виде разнозернистого песка с небольшой примесью гравия и древесного угля, толщиной примерно 25 см;

Г - современный нивелировочный слой в виде разнозернистого песка с примесью древесного угля, кусочков раствора и фрагментированного современного кирпича толщиной 20 см до уровня грунтовых вод (140 см от поверхности раскопа),

Рис. 37. Зондаж № 5, западный и северный профиль, на глубине 140 см от поверхности раскопа присутствует нивелировочный и засыпной слой с большим содержанием фрагментов современного кирпича. Дальнейшие исследования были затруднены из-за грунтовых вод. Фото М. Ф. Ягодзинский

Рис. 38. Восточный профиль раскопа № 5. Фото П. Влизло

Стратиграфия раскопа – восточный профиль:

A - перегной, толщина примерно 10-15 см;

B - нивелировочный слой в виде разнозернистого песка с небольшой примесью раздробленных кирпичей и раствора, толщиной от 15 до 20 см;

C - нивелировочный слой в виде разнозернистого песка, перемешанного с древесным углем и перегноем толщиной до 10 см;

D - нивелировочный слой в виде разнозернистого глиняного песка толщиной от 12 см;

E - нивелировочный слой из разнозернистого песка и гравия толщиной до 20 см;

F - нивелировочный слой из разнозернистого песка с небольшой примесью древесного угля и перегноя, толщиной до 32 см;

Г - нивелировочный слой в виде смеси разнозернистого песка и глины, клиновидное расположение, на восточном профиле до 10 см, на южном профиле до 40 см;

Н - нивелировочный слой в виде разнозернистого песка, перемешанного с древесным углем и глинистыми отложениями, толщиной до 40 см;

І - слой разнозернистого песка и гравия, перемешанный с современным строительным мусором в виде измельченного кирпича - цементного раствора толщиной до 30 см.

Раскоп был исследован на глубину 190 см от поверхности – дальнейшее исследование затруднено из-за притока грунтовых вод. Таким образом, не удалось достигнуть породы с ненарушенной структурой.

Рис. 39. Зондаж № 5, срез слоя „F”. Фото М. Ф. Ягодзинский

2.6. Зондаж № 6 – расположение см. рис. 23

Рис. 40. Зондаж № 6, южный профиль. На глубине примерно 140 см от поверхности находятся грунтовые воды, которые не дают возможность провести дальнейшее исследование. Фото П. Влизло

Стратиграфия раскопа:

- А** - перегной + подпочва (изначально нивелировочный слой), толщиной от 30 до 40 см;
- В** - современный нивелировочный слой из разнозернистого песка, перемешанного с цементно-известковым раствором толщиной примерно 10 см;
- С** - современный нивелировочный слой в виде глиняного песка, смешанного со строительным мусором, толщиной до 35 см;

D - современный нивелировочный слой в виде мелкозернистого песка, смешанного с древесным углем, в лежащем боку камни в слоистом расположении, толщиной примерно до 20 см;

E - современный нивелировочный слой в виде мелкозернистого песка, клиновидное расположение, толщиной примерно до 8 см;

F - современный нивелировочный слой в виде мелкозернистого песка, смешанного с большим количеством древесного угля, в лежащем боку камни в слоистом расположении, толщиной примерно до 25 см.

Рис. 41. Зондаж № 6, западный профиль. Фото П. Влизло

2.7. Зондаж № 7 – расположение см. рис. 23

Рис. 42. Зондаж № 7, северный профиль. Фото П. Влизло

Стратиграфия раскопа:

А - перегной + следовая подпочва, толщиной примерно от 10 см;

В - современный нивелировочный слой, строительный мусор (раздробленные кирпичи и цементно-известковый раствор) толщиной примерно до 25 см;

С - современный нивелировочный слой в виде разнозернистого песка, смешанного с древесным углем и небольшим количеством строительного мусора, толщиной примерно до 25 см;

Д - нивелировочный слой в виде глиняного песка, смешанного с небольшим количеством строительного мусора, толщиной примерно до 15 см;

Е - порода с ненарушенной структурой калек в виде глинистого песка или глины с железистыми вкраплениями и органическими растительными остатками. Пласт породы с ненарушенной структурой на глубине примерно 85-90 см от поверхности.

Рис. 43. Зондаж № 7, восточный профиль. Фото П. Влизло

2.8. Зондаж № 8 – расположение см. рис. 23

Рис. 44. Зондаж № 8, восточный профиль. Фото П. Влизло

Стратиграфия раскопа:

А - перегной + подпочва, толщиной около 13 см;

В - современный нивелировочный слой в виде разнозернистого песка и гравия, в южной части с примесью древесного угля, толщиной примерно до 20 см;

С - современный нивелировочный слой в виде разнозернистого песка и гравия, смешанного с небольшим количеством древесного угля, толщиной примерно до 20 см;

Д - нивелировочный слой в виде разнозернистого песка и гравия, смешанного со строительным мусором и древесным углем, толщиной примерно до 15 см;

Е - нивелировочный слой в виде мелкозернистого песка, в лежащем боку тонкий слой древесного угля толщиной примерно до 15 см;

Ф - порода с ненарушенной структурой, валунная глина.

Рис. 45. Зондаж № 8, северный профиль. Фото П. Влизло

Рис. 46. Зондаж № 8, план раскопа на уровне породы с ненарушенной структурой. Фото П. Влизло

2.9. Зондаж № 9 – расположение см. рис. 22

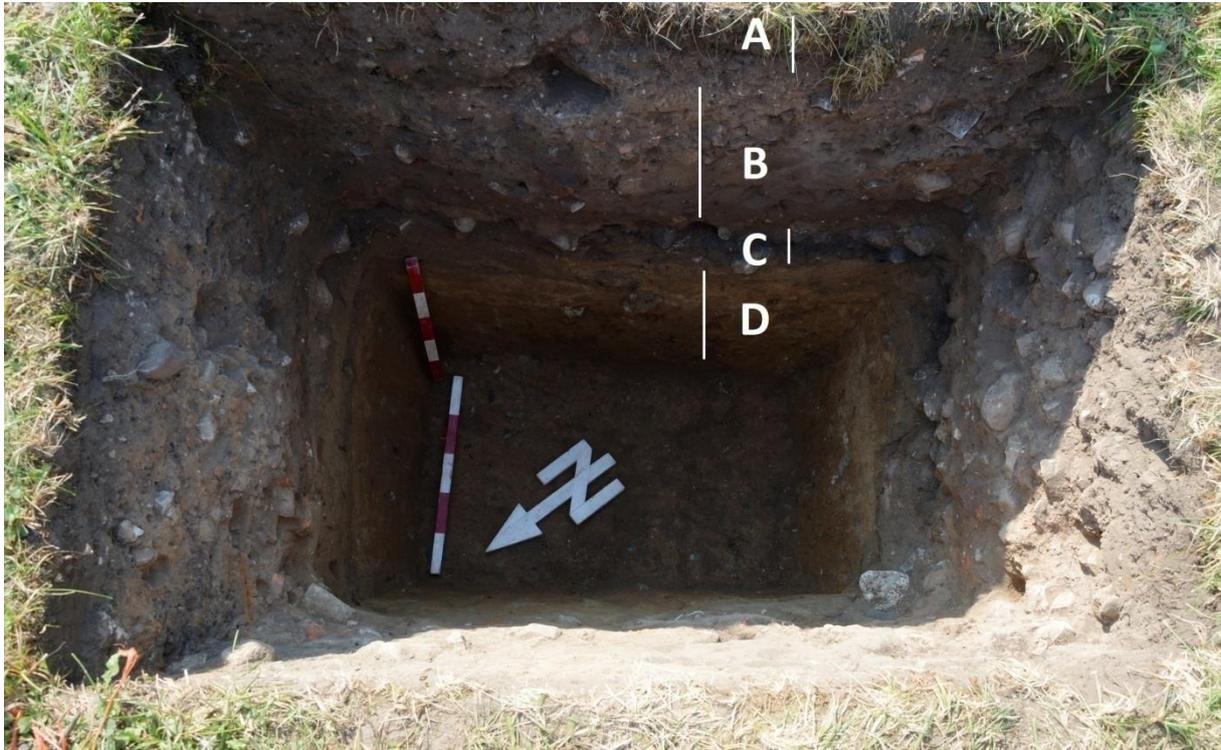

Рис. 47. Зондаж № 9 – вид на южно-восточных профиль. Фото П. Влизло

Стратиграфия раскопа:

A – перегной + подпочва, толщиной примерно 15 см;

B – современный нивелировочный слой в виде глинистого песка с большим содержанием небольших камней и небольшим количеством строительного мусора, толщиной примерно до 55 см;

C – современный нивелировочный слой в виде разнозернистого песка с примесью древесного угля и небольших камней, толщиной примерно до 12 см;

D – порода с ненарушенной структурой, валунная глина.

2.10. Зондаж № 10 – расположение см. рис. 23

Рис. 48. Зондаж № 10, западный профиль. Фото П. Влизло

Стратиграфия раскопа:

А – перегной + подпочва, толщиной примерно 16 см;

В – современный нивелировочный слой в виде разнозернистого песка и гравия, перемешанного с кусочками раствора, в лежащем боку слой гари (древесного угля), толщиной примерно до 20 см;

С – современный нивелировочный слой в виде мелкозернистого песка с железистыми включениями, толщиной примерно 80 см;

Д – слой строительного мусора. Дальнейшему исследованию препятствовала грунтовая вода.

Рис. 49. Зондаж № 10, вид на план раскопа на уровне пласта строительного мусора. Фото П. Влизло

2.11. Зондаж № 11 – расположение см. рис. 22

Рис. 50. Зондаж № 11, восточный профиль. Фото П. Влизло

Стратиграфия раскопа:

A - перегной + подпочва толщиной примерно 15 см;

B - современный нивелировочный слой в виде разнозернистого песка, перемешанного с кусками раствора и раздробленными кусочками кирпича, толщиной примерно до 25 см;

C – современный нивелировочный слой в виде разнозернистого песка, перемешанного с древесным углем и кусками строительного раствора, в южной части с современным кирпичом, толщиной примерно 15 см;

D - слой мелкозернистого песка в северной части, толщиной до 30 см;

E - слой разнозернистого глиняного песка толщиной до 30 см;

F - слой разнозернистого песка, смешанного с древесным углем и растительными остатками. Толщину слоя не удалось определить из-за большой глубины, из-за которой невозможно было провести исследование (полная стратиграфия этой части площади

установлена на основании центральных скважин) - до разведанного уровня толщина слоя составляла около 80 см.

Рис. 50. Зондаж № 11, угол SE. Уровень, до которого проведено исследование. Фото П. Влизло

2.12. Главный раскоп

Рис. 51. Вид с севера на двор перед дворцом в Януде с расположением главного раскопа, на горизонте виднеется озеро Дружно. Фото К. Рабиега

Рис. 52. Вид с восточной стороны на двор перед дворцом в Януде с расположением главного раскопа. Фото К. Рабиега

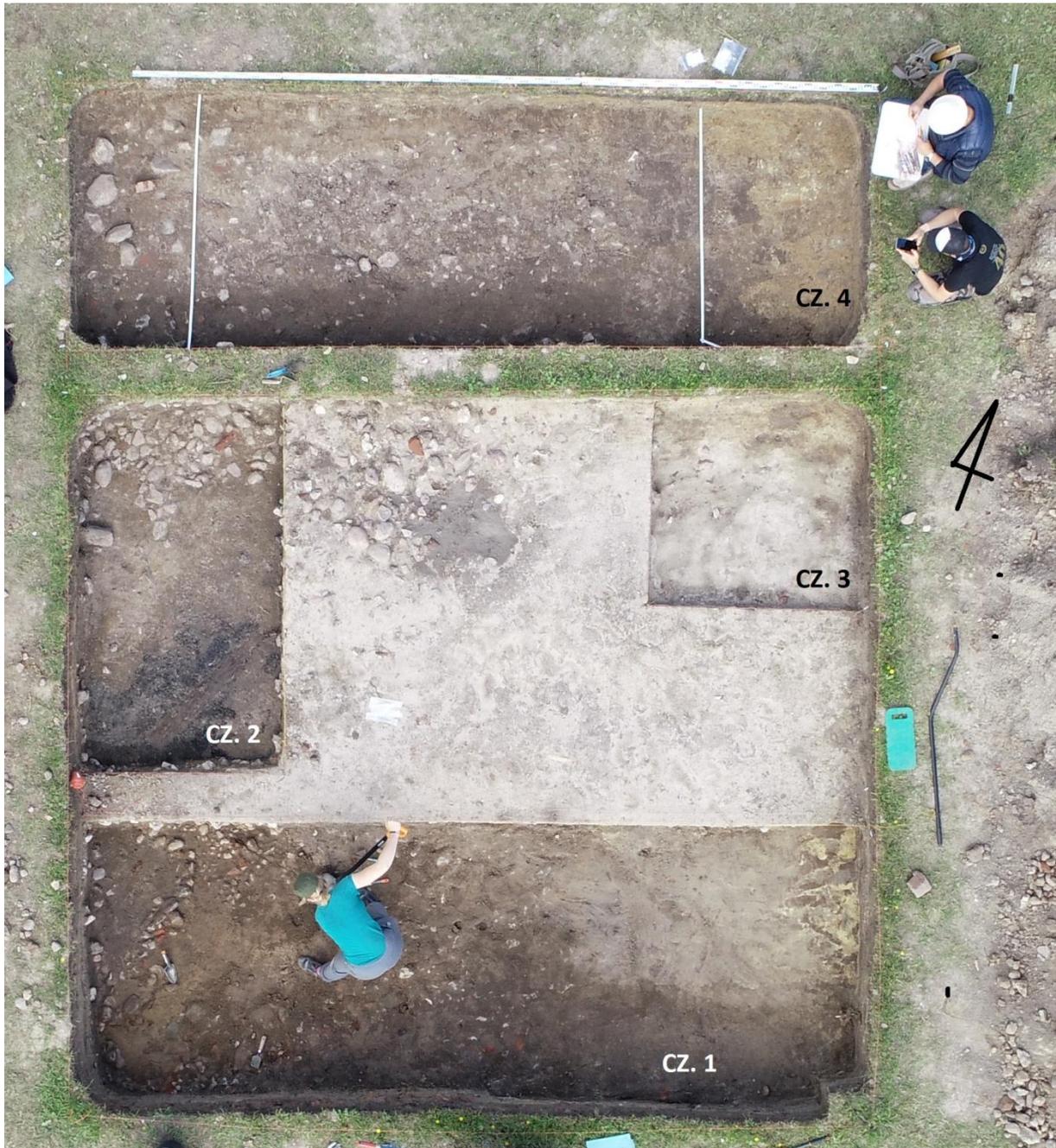

Рис. 53. Главный раскоп, начало исследований. Обозначено северное направление и 4 исследовательские зоны – ч. 1; ч. 2; ч. 3; ч. 4. Фото К. Рабиега

Рис. 54. Главный раскоп, вид в западном направлении, начало исследований, Фото М. Ф. Ягодзинский

Рис. 55. Главный раскоп, вид в северном направлении, начало исследований. Фото М. Ф. Ягодзинский

Рис. 56. Главный раскоп, исследование 1 и 2 части. Фото М. Ф. Ягодзинский

Рис. 57. Главный раскоп, 1 часть, вид на уровень Е (срав. полная стратиграфия срав. западный профиль, рис. 61). Фото П. Влизло

Рис. 58. Главный раскоп, 1 часть, средняя часть северного профиля. Полная стратиграфия см. рис. 62 ниже. Фото П. Влизло

Рис. 59. Главный раскоп, 1 ч., юго-восточный угол на уровне D (срав. рис. 62. 1 часть, северо-западный угол, северный профиль). В плане виднеется траншея под деревянный столб (объект № 1), в центре остатки столба. Фото П. Влизло

Рис. 60. Главный раскоп, 1 часть, юго-восточный угол, профиль ямы для столба с сохранившейся нижней частью деревянного столба. Фото П. Влизло

Рис. 61. Главный раскоп, 1 часть, юго-западный угол, западный профиль. Фото П. Влизло

Стратиграфия:

А - перегной и подпочва толщиной примерно 20 см;

В - нивелировочный слой в виде разнозернистого глиняного песка, в лежащем боку с примесью древесного угля (выклинивающийся в северном направлении слой), толщиной примерно 20 см;

С - нивелировочный слой в виде рыхлого разнозернистого песка и гравия с камнями и валунами толщиной примерно 12 см;

Д - нивелировочный слой в виде мелкозернистого песка с примесью древесного угля толщиной примерно 10 см;

Е – двухслойный слой брусчатки, в северной части - мощение уровня бывшей площади (в северной части - разобрано?), толщиной примерно до 10 см;

Ф - нивелировочный слой в виде разнозернистого песка, смешанного с древесным углем, крошками кирпича и валунами (в северной части полоса глинистого песка с мелкими камнями), толщиной около 16 см;

Г – порода с нетронутой структурой, слой плотного глиняного песка (валунная глина) с железными включениями, валунами и мелкими камнями.

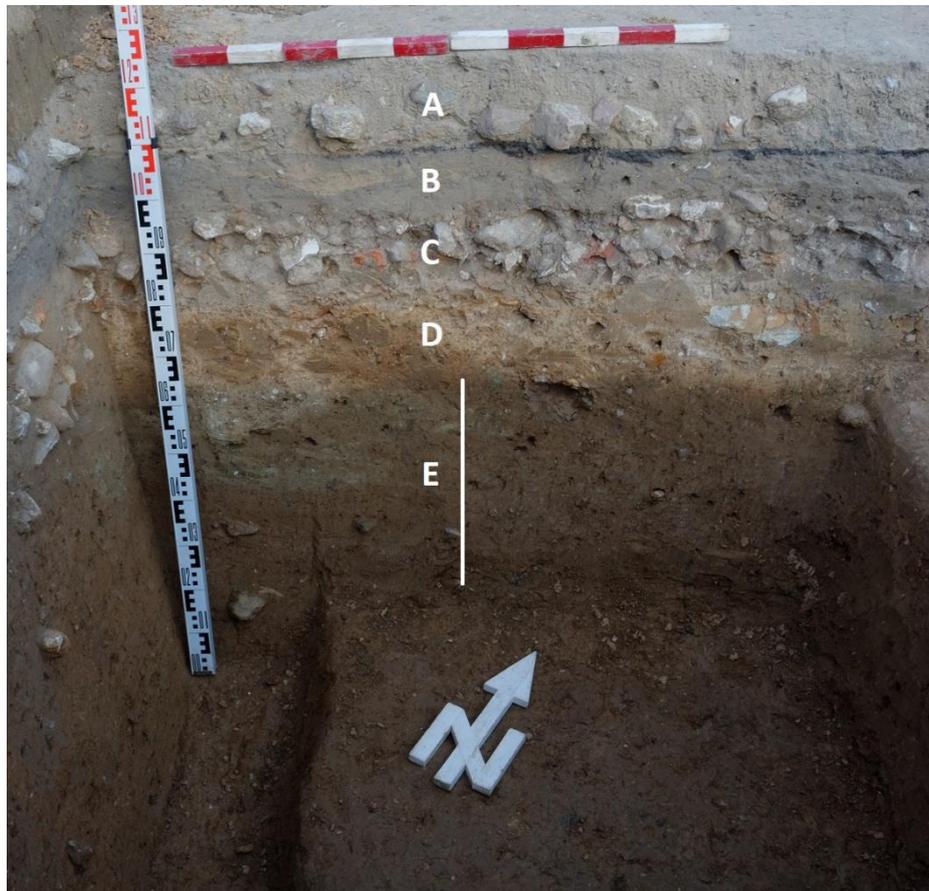

Рис. 62. Главный раскоп, 1 часть, северо-западный угол, северный профиль. Фото П. Влизло

Стратиграфия:

А (**С**, полный профиль, рис. 61) - нивелировочный слой в виде рыхлого разнозернистого песка и гравия с камнями и валунами, в лежащем боку однослойная брусчатка на тонком слое гари, толщиной примерно 17 см;

В (**Д** как выше) - нивелировочный слой в виде разнозернистого глинистого песка, в лежащем боку с примесью древесного угля, толщиной до 15 см;

С (**Е**, как выше) - двух- или трехслойная брусчатка из полевого камня различных размеров - мощение уровня бывшего давней площади, толщиной примерно до 15 см;

Д (**Г**, как выше) - нивелировочный слой в виде плотного глинистого песка с валунами, в восточной части с примесью древесного угля и отдельных камней, толщиной примерно 14 см;

Е (**Г**, как выше) – порода с нетронутой структурой, слой плотного глинистого песка (валунная глина) с железистыми включениями, валунами и мелкими камнями.

Рис. 63. Главный раскоп, 2 часть, уровень С (срав. рис. 62). В северной части брусчатка, в южной части слой гари (древесный уголь) и доска в состоянии разложения. Фото П. Влизло

Рис. 64. Главный раскоп, 3 часть, южный профиль. Фото П. Влизло

Стратиграфия:

A-C – современный нивелировочные слои, толщиной примерно до 25 см;

D – поздний средневековый нивелировочный слой, толщиной примерно до 25 см;

E – порода с нетронутой структурой, валунная глина – пласт на глубине 95 см от поверхности раскопа.

Рис. 65. Главный раскоп, 3 часть (удлиненная в южном направлении), срединный фрагмент восточного профиля. Фото П. Влизло

Стратиграфия:

А – перегной + подпочва, толщиной до 15 см;

В – современные (в верхней части) и поздние средневековые е (в нижней части) засыпные слои, толщиной примерно до 95 см;

С – порода с нетронутой структурой, валунная глина

Рис. 66. Главный раскоп, 4 часть, уровень С (срав. рис. 67), вид на брусчатку (объект № 2) в плане. Фото П. Влизло

Рис. 67. Главный раскоп, 4 часть, северный профиль. Фото П. Влизло

Стратиграфия:

А - перегной + подпочва толщиной до 16 см;

В - нивелировочный слой в виде разнозернистого песка и гравия толщиной примерно до 18 см;

С - слой брусчатки с фрагментами кирпича, выклинивающийся в восточном направлении, толщиной от 20 см в западном профиле до исчезновения брусчатки у кирпичной стены северного профиля;

Д - нивелировочный слой в виде глинистого песка, перемешанного с небольшим количеством древесного угля, толщиной до 80 см;

Е – порода с нетронутой структурой, валунная глина;

Г – фундаментная выемка;

Г – реликты кирпичной застройки (объект № 3), машинный кирпич (25x12x6 см), цементно-известковый раствор.

Рис. 68. Главный раскоп, 4 часть, крупный план фрагмента северного профиля – перекрытие кирпичной стены (объект № 3). Фото П. Влизло

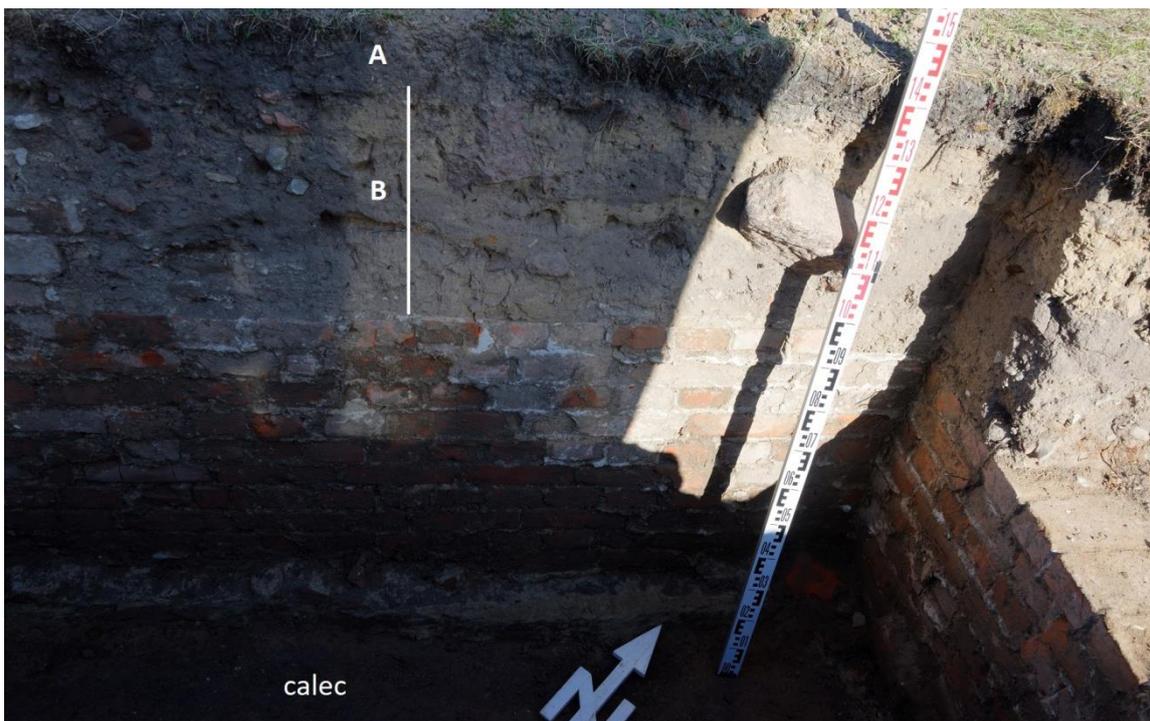

Рис. 69. Главный раскоп, 4 часть, восточная часть северного профиля и северо-восточный угол развалин современного кирпичного дома (объект № 3; машинный кирпич 25x12x6 см, цементно-известковый раствор). А – перегной + подпочва; В – нивелировочные и засыпные слои. Фото П. Влизло

Рис. 70. Главный раскоп, 4 часть, северный профиль. Фото П. Влизло

Стратиграфия:

А – перегной + подпочва, толщиной примерно до 15 см;

В – нивелировочный слой в виде разнозернистого песка и гравия, толщина от 40 до 65 см;

С – нивелировочный слой в виде глинистого песка, перемешанного с небольшим количеством древесного угля, толщиной примерно до 55 см;

Д – порода с нетронутой структурой, валунная глина.

Рис. 71. Главный раскоп, 4 часть, южный профиль. Фото П. Влизло

Стратиграфия:

А (С на рис. 67) – слой брусчатки, толщина примерно 15 см;

В (D на рис.67) нивелировочный слой в виде глинистого песка, перемешанного с небольшим количеством древесного угля, толщина примерно 40 см;

С (Е на рис. 67) – порода с нетронутой структурой, валунная глина.

Рис. 72. Раскоп для проверки глины породы с нетронутой структурой возле северного профиля, 4 ч. Фото П. Влизло

3. Итоги

Раскопки, проведенные на площадке перед дворцом в Януде, были первым этапом исследовательского проекта, направленного на обнаружение раннесредневекового кладбища, связанного с эмпорием Трусо. Этим раскопкам предшествовал подробный библиографический запрос, который дал важную информацию об открытии кладбища на территории двора перед Янудским дворцом в 1868 году (срав. раздел 1.4. *Информация Зигфрида Ангера об открытии 1868 года*). Обстоятельства обнаружения кладбища, опубликованные С. Ангером, при подготовке почвы двора перед дворцом, не оставляли сомнений в том, что оно было серьезно повреждено. Поэтому до того, как начать раскопки, в этом районе проводились неинвазивные геомагнитные исследования и сделаны геологические скважины. Неинвазивная разведка места будущих раскопок была необходима, в основном из-за отсутствия каких-либо зацепок, которые позволили бы указать на места, которые следует исследовать.

Проведенный в разделе 1.2. *Скандинавские могилы на кладбищах эльблонгской агломерации*, анализ погребального обряда показал, что присутствие новоприбывших с севера в районах Западной Балтики – это факт, который особенно доказывает наличие захоронений скандинавских женщин, обнаруженных в 1930-х годах (в том числе 35 скандинавских могил, обнаруженных на территории Новомейского поля в Эльблонге) и многих других скандинавских захоронений в других районах Эльблонга. Это позволило сориентировать исследовательский аппарат на конкретные могильные конструкции, не исключая определенной специфики разыскиваемого некрополя, связанной с торгово-ремесленным и портовым характером Трусо (эти вопросы обсуждались в разделе 1.3. *Характеристики поселения*).

Следует также упомянуть аналогии, которые не были рассмотрены в данном отчете, относительно расположения кладбищ, связанных с другими подобными торговыми центрами - в Хедебю и Бирке. В обоих упомянутых здесь портовых центрах связанные с ними кладбища располагались, соответственно, в случае Хедебю к юго-востоку и северо-западу от городского центра, а в случае Бирки к северо-западу от поселения. Поэтому не составит особого труда связать кладбище в Януде (Хансдорф), обнаруженное в 1868 году, которое расположено точно к северо-западу от расположенного и хорошо исследованного эмпория Трусо, с вышеупомянутыми примерами из Бирки и Трусо. Это место идеально вписалось бы в функционирующие и действующие в период викингов схемы центральных мест, к которым также принадлежало и поселение Трусо.

После выявления основных обусловленности, связанные с искомым кладбищем, начались раскопки. Как отмечалось ранее (раздел 2 *Археологические раскопки*), основной исследовательский раскоп размером 7х5,3 м был сделан на месте четких и регулярных аномалий, зарегистрированных во время неинвазивных геофизических измерений (рис. 20; рис. 21; рис. 23; рис. 51; рис. 51; рис. 52), где предполагалось выявить фрагмент прямоугольного здания.

Принят принцип исследований в области выделенных частях раскопа - часть 1; часть 2; часть 3; часть 4 (рис. 53). Этот метод исследования позволил полностью определить стратиграфию, а также характер и хронологию обнаруженных объектов, без необходимости исследовать всю поверхность в случае обнаружения современных объектов или слоев. Целесообразность такого метода подтвердили открытые в отдельных частях слои и объекты (рис. 54-71), которые практически полностью относятся к современному периоду, с конца XIX века до 1920-х годов (рис.73; рис.74; рис.75).).

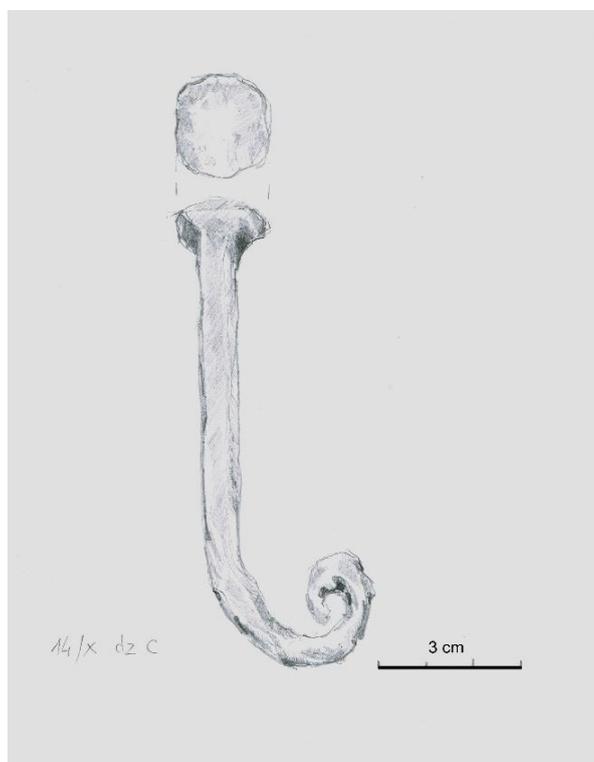

Рис. 73. Железный кованый гвоздь, квадратный стержень, округлая головка (2 часть, уровень С)

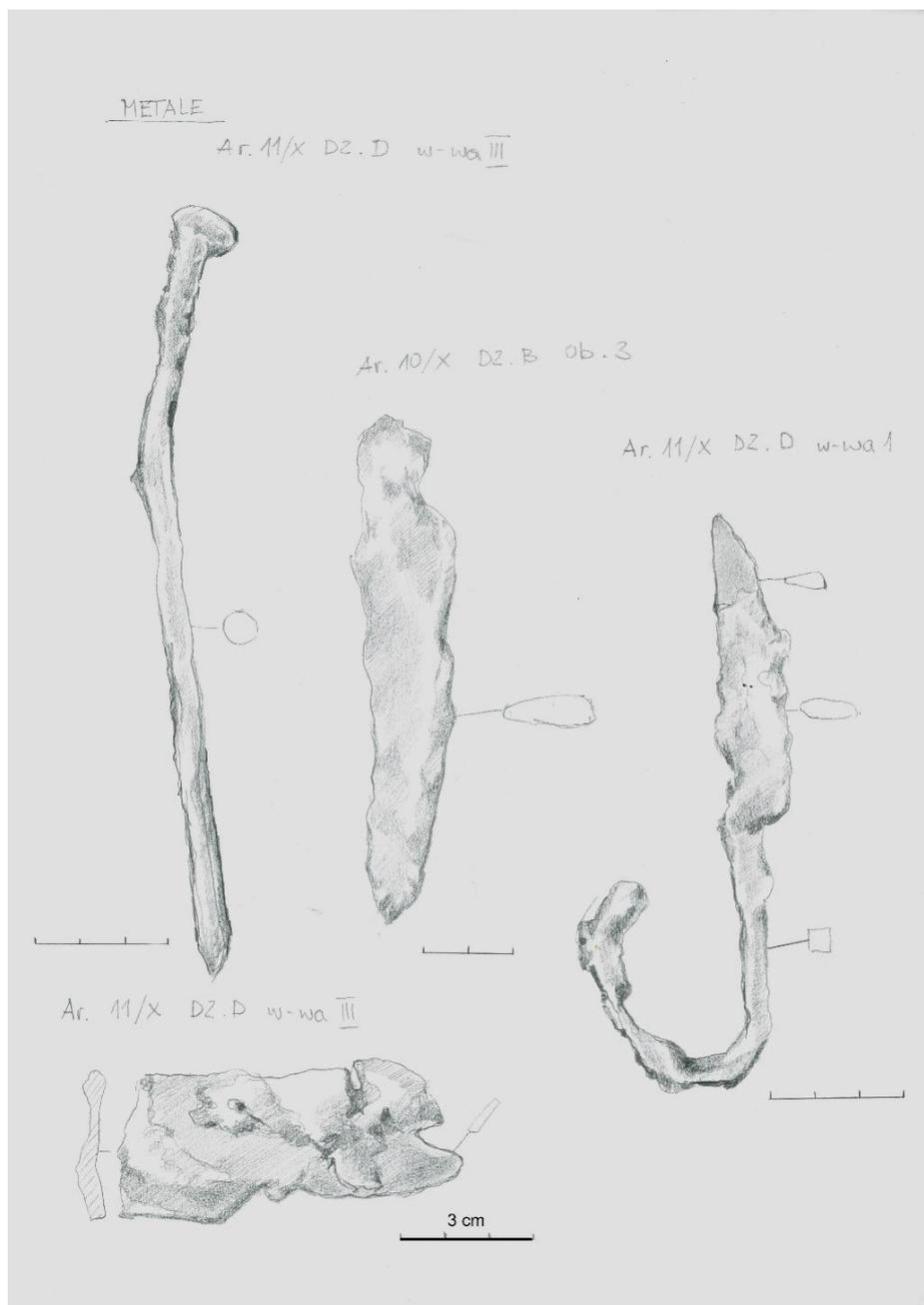

Рис. 74. Железные предметы, найденные во 2 части главного раскопа на уровне „С” – машинный железный гвоздь, острия ножей, оковки

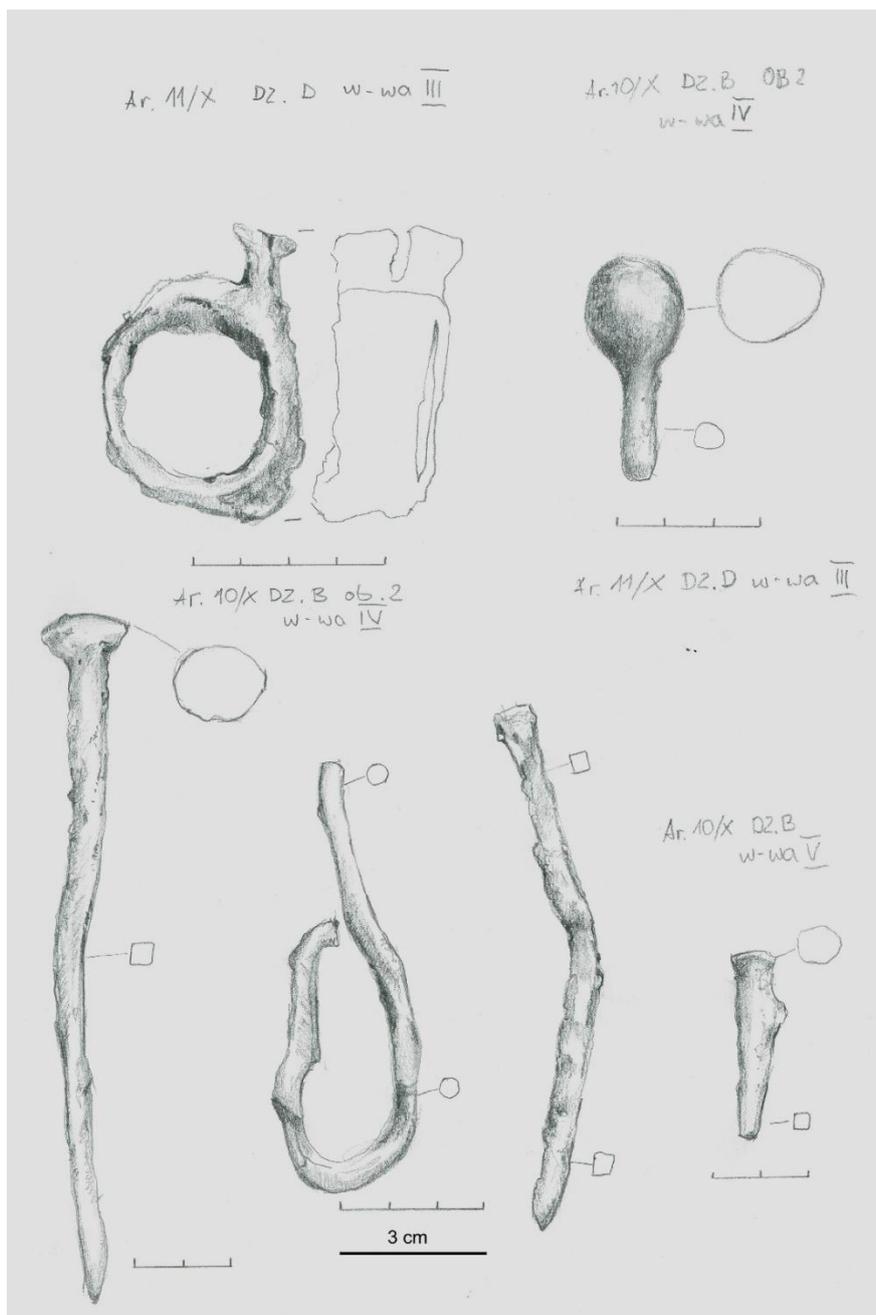

Рис. 75. Железные предметы, найденные в 3 части главного раскопа на уровне „В” – верхняя часть. Машинные гвозди, оковки, спица

Только в 3 части раскопа на уровне „В” в нижней части имелся засыпной слой, в котором были обнаружены фрагменты керамики XV-XVII вв. (рис. 76; рис. 77; рис. 78) и кость со следами обработки (рис. 79).

Представленные ниже артефакты в виде фрагментов керамики и обработанной кости были обнаружены во время исследования нивелировочного слоя, что следует особо подчеркнуть. Этот слой не возник в результате деятельности человека как культурный слой, а был образован в современности (в конце XIX или начале XX века) в качестве

материала для засыпки - выравнивания поверхности. Видимо, поэтому тут видно смесь артефактов разных периодов.

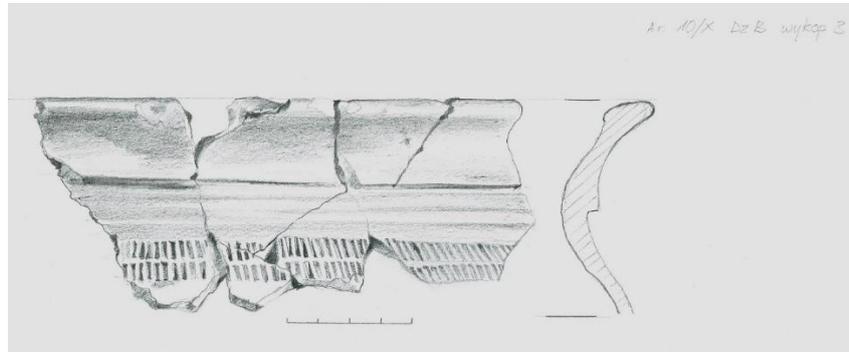

Рис. 76. Горлышко глиняного сосуда, изготовленного на кругу, редуционный обжиг, XV век. 3 часть главного раскопа на уровне „В” – нижняя часть

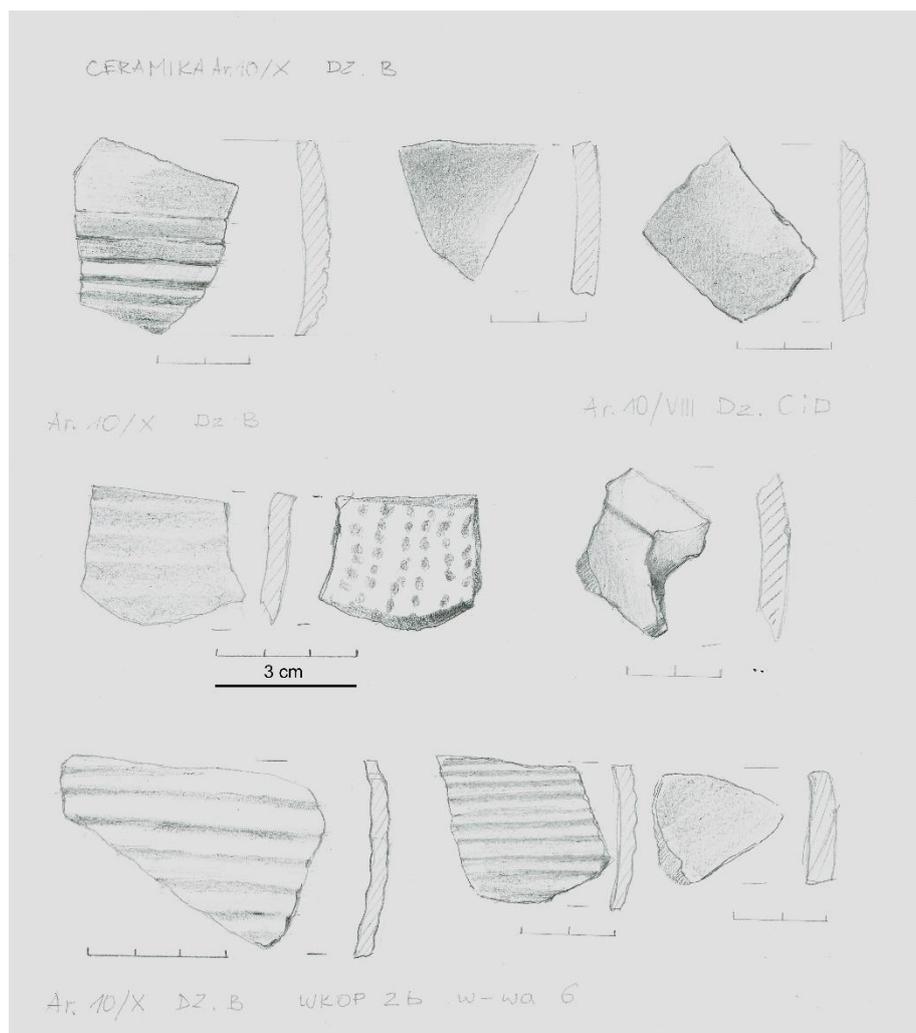

Рис. 77. Фрагменты выпуклостей глиняных сосудов, изготовленных на кругу, XV-XVII век. Части 3 главного раскопа на уровне „В” – нижняя часть

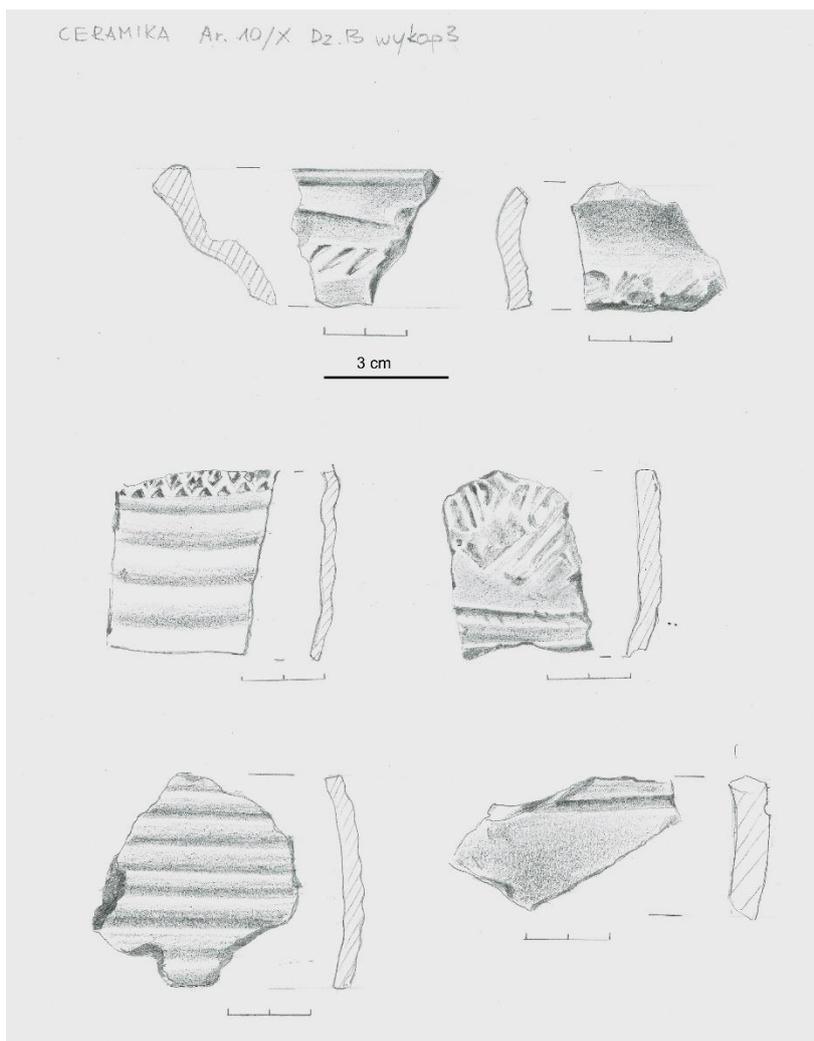

Рис. 78. Горлышки и фрагменты выпуклостей глиняных сосудов, изготовленных на кругу, XV-XVI век. Части 3 главного раскопа на уровне „В” – нижняя часть

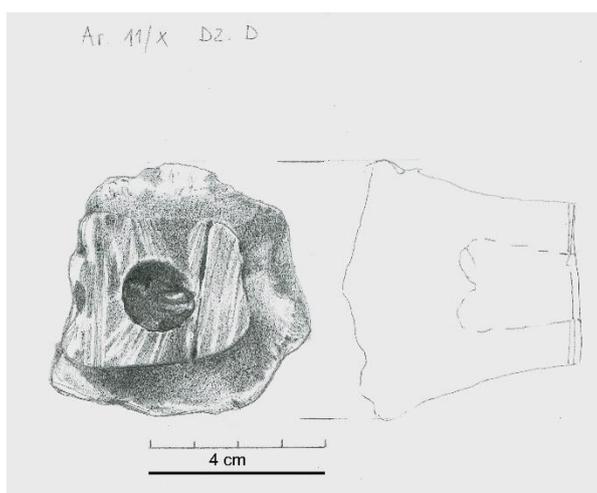

Рис. 79. Обработанная кость. Части 3 главного раскопа на уровне „В” – нижняя часть

В исследуемом раскопе помимо современных нивелировочных слоев удалось идентифицировать 3 объекта:

- углубление от столба с частично сохранившейся древесиной (ч. 1, объект № 1 - рис. 59; рис. 60). Вероятно, это был элемент конструкции навеса, связанного с кирпичным зданием, обнаруженным в части 4. Возможно, это остатки восточного хозяйственного здания, которое в 20-е годы XX века закрывало площадь перед дворцом с востока (рис. 80) - точно так же, как существующее здание, но построенное в 1930-х годах XX века в нескольких десятках метров восточнее;

- брусчатка, разной интенсивности по всей поверхности раскопа (объект 2 - рис. 58; рис. 59; рис. 61 уровень „Е”; рис. 62 уровень „С”; рис. 63 северный фрагмент части 2; 66) и является свидетельством хозяйственного уровня территории начала XX века, можно предположить, что он относится к тому же времени, что и остатки хозяйственной постройки, обнаруженной в части 4;

- реликвии кирпичных стен хозяйственной постройки (объект № 3 - рис. 67; рис. 68; рис. 69; рис. 70; рис. 71). На основании задокументированной стратиграфии и материала, использованного для возведения стен (механический кирпич размером 25 x 12 x 6 см с цементно-известковым раствором), их следует датировать 1920-ми годами XX века.

Представленная выше интерпретация реликтов застройки, обнаруженных в главном раскопе, имеет свое основание в аналогичных дворцовых закладках, где дворы перед дворцами были намного меньше по сравнению с предполагаемым первоначальным размером двора в Януве (срав. рис. 80, где восточная, первоначальная протяженность двора отмечена черной линией). В случае такой реконструкции северная часть двора закрывается амбаром, а южная часть – домом управителя, создавая таким образом единый комплекс с дворцом.

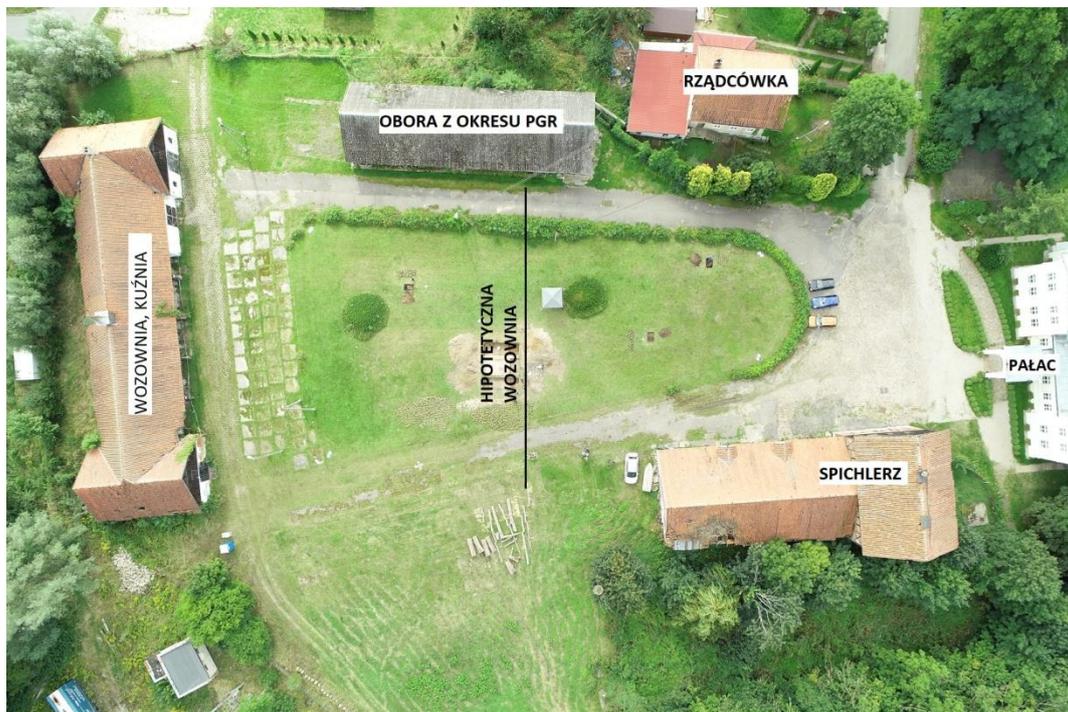

Рис. 80. Вид на дворцовую закладку в Януве – предложение интерпретации реликтов застройки, найденных в главном раскопе, как хозяйственного строения (каретный сарай), который первоначально закрывал двор перед дворцом с восточной стороны. Фото К. Рабиега

Одновременно с исследованием основного раскопа были проложены и исследованы зондажи. 11 зондажей были расположены в разных частях двора перед дворцом таким образом, чтобы получить достаточно полное представление о его стратиграфии. Во всех зондажах после удаления дерна (перегноя) с тонким слоем подпочвы появились современные засыпные слои. Это были небольшой толщины (обычно от 20 до 40 см) нивелировочные слои, и состояли они как из строительного мусора, так и из отходов кузнечной мастерской, а также из смешанного разнородного песка и гравия, перемешанные с древесным углем и кладочным раствором. Кроме строительного мусора и современных фрагментов железных предметов (в основном, машинных гвоздей и проволоки), артефактов в зондажах обнаружено не было.

В 7 зондажах была достигнута порода с нетронутой структурой (зондаж 1-4 и 7-9; рис.27; рис.29; рис.31; рис.33; рис.42; рис.44; рис.47), т.е. геологический слой, который образовался в результате естественных процессов седиментации, без вмешательства человека. В нашем случае это были либо глина послеледникового периода, либо плотный глинистый песок (также ледникового происхождения). Уровень

пласта породы с нетронутой структурой во всех вышеупомянутых зондажах был на одном уровне (рис. 81) и характеризовался очень ровной поверхностью, создавая впечатление механически сформированной.

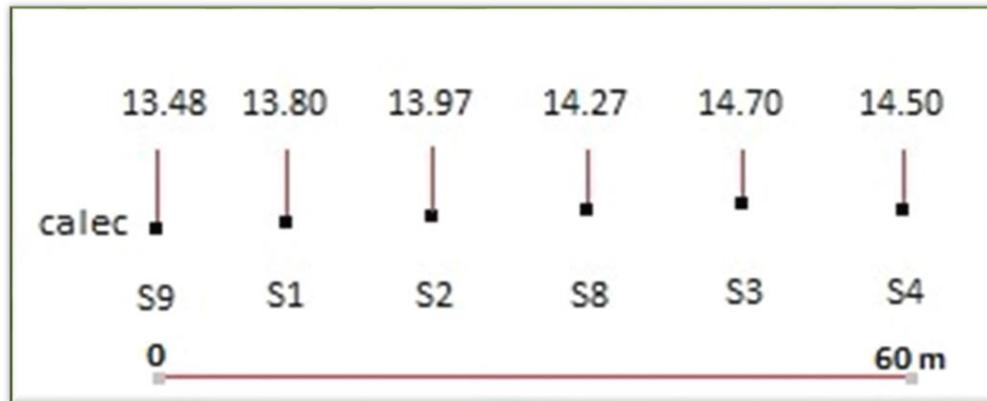

Рис. 81. Уровень пласта породы с нетронутой структурой зондажах (от крайнего запада до крайнего востока, по линейной схеме 60 м). Значения указаны относительно уровня моря. Зондаж № 7 и зондажи, в которых не был достигнут уровень породы с нетронутой структурой, не были учтены (зондаж № 5; 6; 10; 11).

Сформированный таким образом пласт из породы с нетронутой структурой присутствовал на большей части изучаемой территории и, вероятно, является результатом подготовки почвы, проведенной здесь в 1868 году, о которой упоминал С. Ангер (1878). Таким образом, можно утверждать, что открытые во время подготовки почвы могилы (о чем сообщал Плат, см. раздел 1.4. *Информация Зигфрида Ангера об открытии 1868 года*), были полностью уничтожены. В ходе этих работ были сняты слои, относящиеся к захоронениям, а подготовка почвы была проведена до уровня, лежащего значительно ниже лежащих боков слоев кладбища и могил. Снятые во время подготовки почвы слои захоронений и пласт породы с нетронутой структурой, который состоял из валунной глины и плотных глинистых песков ледникового происхождения, вероятно, были вывезены в неизвестное нам место - отсюда и полное отсутствие каких-либо следов кладбища на территории двора перед дворцом.

Интересные результаты дали зондажи, в которых не был достигнут уровень породы с нетронутой структурой, несмотря на то, что исследование проводилось на глубине примерно 2 м от поверхности. Это были зондажи № 5; 6; 10 и 11. Зондажи № 5; 6 и 10 были сделаны в северной части двора. Отсутствие породы с нетронутой структурой на глубине 2 м от поверхности и появление на этой глубине грунтовых вод

(часто там достигнуто пласта слоев, содержащих строительный мусор - зондаж № 5; зондаж № 6; зондаж № 10) свидетельствуют о том, что мы имеем дело со значительным опущением местности, создающим впечатление естественного оврага или искусственно вырытого рва. Это подтвердило бы информацию Э. Керстана (1925) о ранее построенной тут оборонительной усадьбы, на месте которой было построено в 1866 году по инициативе капитана Адольфа Эггерта, тогдашнего владельца поместья Хансдорф, дворца, существующего до сих пор.

В дальнейших поисках кладбища, связанного с эмпорием Трусо, может оказаться полезная информация, которую я получил от жителей Янува еще в 1980-х годах. Эта информация касалась открытий, сделанных в 1960-х годах XX века при строительстве одноэтажных жилых домов в действовавшем в то время государственном сельскохозяйственном предприятии «pegeerze» в Януве (слово происходит от аббревиатуры PGR - Государственное сельскохозяйственное предприятие, польский вариант совхозов, характерный для экономики СССР). Во время проведения земляных работ, связанных со строительством этих блоков, были обнаружены человеческие скелеты. К сожалению, никто не проинформировал службы занимающиеся охраной памятников истории об этом факте, и неясно, к какому периоду относились захоронения людей. Однако в контексте открытий 1868 года, о которых говорилось выше, можно предположить, что тогда была обнаружена еще одна часть кладбища, связанная с Трусо (рис. 82).

4. Библиография

Цитированные источники

Hakluyt Richard, *The Principal Navigations, Voyages, Traffiques and Discoveries of the English Nation*, London 1598-1600. Wydanie polskie (wybór Henryk Zins): Richard Hakluyt, *Wyprawy morskie, podróże i odkrycia Anglików*. Z angielskiego przełożyła Monika Adamczyk-Garbowska, Wydawnictwo Morskie, Gdańsk 1988.

Orosius Paulus [Historiarum adversus paganos libri VII]: *Chorografia Orozjusza w Anglosaskim przekładzie króla Alfreda*, [w:] Źródła skandynawskie i anglosaskie do dziejów Słowiańszczyzny, Fontes Septentrionales, Vol. I, wydał Gerard Labuda, PWN Warszawa 1961; *The old English Orosius*, [ed.] Janet Bately, Early English Text Society, suppl. ser. 6, London 1980; *King Alfred's Orosius, Part I: Old- English Text and Latin Original*, ed. Henry Sweet, Early English Text Society's Publications, Nr 79, London 1883.

Литература

Anger Siegfried

1878 *Hr. Dr. Anger berichtet in einem Schreiben vom 23. März 1878 über Ausgrabungen In der Gegend von Elbing*, „Zeitschrift für Ethnologie“ Zehnter Band, Berlin, s. 198-199.

Auch Michał, Bogucki Mateusz, Trzeciecki Maciej

2012 *Osadnictwo wczesnośredniowieczne na stanowisku Janów Pomorski I*, Studia nad Truso I:2, red. Beata Jurkiewicz, Mateusz Bogucki, Elbląg, s. 124-165.

Bogucki Mateusz

2017 *Pruskie, skandynawskie czy słowiańskie? Uwagi o przynależności etnicznej mieszkańców emporium Truso*, [w:] Między Jutlandią a Sambią. Truso w kontekście badań południowo-zachodniej strefy basenu Morza Bałtyckiego w okresie wikingów, red. M. F. Jagodziński, Studia nad Truso III:2, Elbląg, s. 105–134.

Brather Sebastian, Jagodziński Marek F.

2012 *Der wikingzeitliche Seehandelsplatz von Janów (Truso). Geophysikalische, archäopedologische und archäologische Untersuchungen 2004–2008*, mit Beiträgen von M. Bogucki, S. Brather-Walter, N. Buthmann, P. Kühn, H. Steuer und B. Zickgraf, Bonn.

Callmer Johan

1994 *Early urbanism in Southern Scandinavia ca. 700-1100 AD. Trading places, central settlements and new model centres in continuity change*, „Archaeologia Polona”, 1994, vol. 32, s. 73-93.

Carstenn Edward

1911 *Zur Geschichte der Trusoforschung*, „Altpreussische Monatschrift”, Bd. XLVIII, s. 37-63).

Chudziak Wojciech

1999 *Ze studiów nad pograniczem słowiańsko-baltyjskim we wczesnym średniowieczu. Problem przynależności etnokulturowej Pomezanii w IX-XI wieku* [w:]Pogranicze polsko-pruskie w czasach św. Wojciecha, red. M. F. Jagodziński, Elbląg, s. 81-98.

Dorr Robert

1888-1891 *Bericht über die Tätigkeit der Elbinger Altertumsgesellschaft im Vereinsjahr 1886/87*, „Schriften der Naturforschenden Gesellschaft zu Danzig“, Bd. VII, H. 1, s. 21-22.

1894 *Übersicht über die prähistorischen Funde im Stadt- und Landkreise Elbing*, "Beilage zum Programm des Elbinger Real-Gymnasiums", teil I, II, Elbing.

1898 *Die Gräberfelder auf dem Silberberge bei Lenzen und bei Serpin, Kr. Elbing aus dem V-VI Jahrhundert*[w:] "Festschrift der Elbinger Altertumsgesellschaft zur Feiner Ihres Frünfunndzwanzigjährigen Besteheus", Elbing, „Schriften der Naturforschenden Gesellschaft zu Danzig”, Bd. X, H. 1.

1914 *Das Vorgeschichtliche Gräberfeld von Benkenstein – Freiwalde, Kr. Elbing (700-1150 n.Chr.)*, Mittelungen des Coppersnicus Vereins für Wiss., und Kunst zu Thorn, H. 22, s. 2-26.

Duczko Władysław

1997 *Scandinavians in the Southern Baltic between the 5th and the 10th centuries A.D.*, [w:] *Origins of Central Europe*, edit. P. Urbańczyk, Warszawa, s. 191-211.

Ebert Max

1926 *Truso*. „Schriften der Königsberger Gelehrten Gesellschaft“, Geisteswissenschaftliche Klasse, Jg. 3, H. 1. Berlin.

Ehrlich Bruno

1920 *Bericht über die Tätigkeit der Elbinger Altertumsgesellschaft in den Vereinsjahren 1915/1916 bis 1918/1919*, "Elbinger Jahrbuch", H. 1, s. 151-214.

- 1931 *Schwerter mit silberbeschlagenen Scheiden von Benkenstein, Kr. Elbing, und einige west- und ostpreussische Vergleichsstücke*, „Prussia“ 29, s. 16-47.
- 1932 *Elbing, Benkenstein und Meislatein. Ein neuer Beitrag zur Trusoforschung*, „Mannus“ 24, Heft 1-3, Leipzig, s. 399-420.
- 1936 *Das Städtische Museum in den Jahren 1932-1935*, „Elbinger Jahrbuch“ 12/13, Elbing, s. 236-243.
- 1937a *Der preußisch-wikingische Handelsplatz Truso*, „Elbinger Jahrbuch“ 14/1, 1937, s. 1–17.
- 1937b *Germanen und Altpreussen auf dem Boden Elbings. Die Scharnhorststrasse als vorgeschichtliches Siedlungsgebiet*, "Germanen- Erbe", Jahrgang 2, H. 9/10, September Oktober, s. 268-277.

Gloger Kurt

- 1943 *Germanen in Osteuropa. Versuch einer Geschichte Osteuropas von den Anfängen bis zum Beginn des 13. Jahrhunderts*. „Mannus-Bücherei“, Leipzig.

Haftka Mieczysław

- 1973 *Wczesnośredniowieczne uzbrojenie żelazne z grobu ciałopalnego z Elbląga*, „Rocznik Elbląski”, tom 6, s. 21-32.

Jagodziński Marek F.

- 1997 *Archeologiczne ślady osadnictwa między Wisłą a Pasłęką we wczesnym średniowieczu. Katalog stanowisk*, [w:] Adalbertus, tom 3, red. P. Urbańczyk, Warszawa.
- 1998 *Archeologiczne ślady osadnictwa między Wisłą a Pasłęką we wczesnym średniowieczu. Komentarz do katalogu stanowisk*, [w:] Adalbertus, tom 1, red. P. Urbańczyk, Warszawa, s. 159-197.
- 1999 *Rejon ujścia Wisły we wczesnym średniowieczu. Struktura zasiedlenia i stosunki etniczne*, [w:] Pogranicze polsko-pruskie w czasach św. Wojciecha, red. M. F. Jagodziński, Elbląg, s. 35-79.
- 2009a *The settlement of Truso*, [w:] Wulfstan's Voyage. The Baltic Sea region in the early Viking Age as seen from shipboard, red. A. Englert, A. Trakadas, Roskilde, s. 182–197.
- 2009b *Zagadnienie obecności Skandynawów w rejonie ujścia Wisły we wczesnym średniowieczu*, „Pruthenia” 4, 2009, s. 117–192.
- 2010 *Truso. Między Weonodlandem a Witlandem*, Bydgoszcz 2010.

2017 *Janów Pomorski stan 1. Struktura i zabudowa strefy portowej. Wyniki badań archeologicznych w latach 1982-1991*, Studia nad Truso III:1, red. Marek F. Jagodziński, Elbląg.

2019 *Truso – jak bardzo skandynawskie?* [w:] *Wikingowie w Polsce?*, red. M. Bogacki, A. Janowski, Ł. Kaczmarek, Gniezno, s. 145-153.

Kirpičnikov Anatol N., Jagodziński Marek F.

2006 *Wczesnośredniowieczny miecz znaleziony w Elblągu*, [w:] *Świat Słowian wczesnego średniowiecza*, red. M. Dworaczkowa, A. B. Kowalska, S. Moździoch, M Rębkowski, Szczecin - Wrocław, s. 437-442.

Kamińska Janina

1959 *Sprawozdanie z działalności badawczej Stacji Archeologicznej w Gdańsku w 1956 r.*, „Sprawozdania Archeologiczne tom 7, s. 35-48.

Kerstan Eugen Gustav

1925 *Die Geschichte des Landkreises Elbing*, Elbing.

Kolberg Augustin

1878 *Wulfstan Seekurs für die Fahrten von Schleswig nach Truso an der Wahrmischen Küste von Preussen im 9 Jahrhundert*, „Zeitschrift f. d. Geschichte und Altertumskunde Ermlands”, Bd. VI, s. 1-75.

Kulakov Vladimir I.

2005 *Die wikingerzeitliche Siedlung und das Gräberfeld Kaup bei Wiskiauten. Bericht über die Ausgrabung der Jahre 1956-2004*, Offa-Zeitschrift, Bd. 59/60, 2002/2003, Hrsg. v. C. von Carnap-Bornheim, J. Müller u. U. Müller, s. 55-79.

Labuda Gerard

1961 *Chorografia Orozjusza w anglosaskim przekładzie króla Alfreda*, [w:] *Źródła skandynawskie i anglosaskie do dziejów Słowiańszczyzny*, wyd. G. Labuda, PWN Warszawa, s. 7-118.

Łosiński Władysław

2000 *Pomorze - bardziej słowiańskie czy bardziej “bałtyckie”?*, [w:] *Salsa Cholbergiensis. Kołobrzeg w średniowieczu*, red. L. Leciejewicz, M. Rębkowski, Kołobrzeg, s. 119-141.

Łowmiański Henryk

1957 *Zagadnienie roli Normanów w genezie państw słowiańskich*, PWN Warszawa

Mazur Adam, Nosek Elżbieta

1973 *Wyniki badań metaloznawczych znalezisk żelaznych z Elbląga*, Rocznik Elbląski, tom 6, s. 4-19.

Mielczarski Stanisław

1963 *Truso. Historia badań i problemy metodologiczne. Opis podróży Wulfstana do Truso. Stosunki hydrograficzne i osadnicze w delcie Wisły w IX w. Lokalizacja Truso i dzieje osady. Zakończenie*, „Rocznik Elbląski”, t. 2, s. 3-36.

Mühlen Berndt von zur

1975 *Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen*. "bonner hefte zur Vorgeschichte" Nr. 9, Bonn, s. I-VI, s. 1-287.

Neugebauer Werner

1937a *Die Bedeutung des wikingischen Gräberfeldes in Elbing für die Wikingerbewegung im Ostseegebiet*, „Elbinger Jahrbuch” 14/1, s. 19–28.

1937b *Germanen und Altpreussen auf dem Boden Elbings. Die Scharnhorststrasse als vorgeschichtliches Siedlungsgebiet*, "Germanen- Erbe", Jahrgang 2, H. 9/10, September Oktober, s. 268-277.

1938 *Das wikingische Gräberfeld in Elbing*, [w:] Altpreußen-Vierteljahresschrift für Vorgeschichte und Volkskunde, Jg. 3, H. 1, s. 2-6.

1975 *Von Truso nach Elbing. Leitlinien der Frühgeschichte des Elbinger Raumes*, [w:] „Elbinger Hefte“, Bd. 34, s. 9-49.

Neumann Ferdinand

1854 *Über die Lage von Wulfstans Truso, Wislemund und Witland, - Die Namen Nehrung, Nogat, Weichsel*, „Neue Provinzial – Blätter”, H.6, s. 290 – 326, 385 – 398, 411 – 416.

1944 *Das wikingische Gräberfeld von Elbing-Neustädterfeld und die Lage Trusos*, Bericht über die Kieler Tagung 1939, Forschungs- und Lehrgemeinschaft “Das Ahnenerbe”, Neumünster 1944, s. 154-161.

Nowakowski Wojciech

2006 *Korzenie Prusów. Stan i możliwości badań nad dziejami plemion bałtyjskich w starożytności i początkach średniowiecza*, „Pruthenia”, tom I, s. 11-40.

Odoj Romuald

1970 *Dzieje Prusów do czasów krzyżackich*, „Komunikaty Mazursko-Warmińskie” Nr 1 (107), Olsztyn, 1970, s. 51-65;

Toplak Matthias S.

2015 *Prone Burials and Modified Teeth at the Viking Age Cemetery of Kopparsvik: The Changing of Social Identities at Threshold of Christian Middle Ages*, “Analecta Archaeologica Ressoiviensia”, vol. 10, s. 77-97.

Urbańczyk Przemysław

2002 *Wczesna urbanizacja ziem polskich*, [w:] Civitas & Villa. Miasto i wieś w średniowiecznej Europie, red. C. Buško, J. Klápště, L. Leciejewicz, S. Moździoch, Wrocław-Praha, s. 37-47.

Williams Gareth, Penz Peter, Wemhoff Matthias, red.

2013 *Viking*, National Museum of Denmark.

Welc Fabian (GEO ARCHEO SERVICE)

2010 Rozpoznanie za pomocą metody magnetycznej i georadarowej obszaru wokół założenia pałacowo - gospodarczego w Janowie Pomorskim (wpis do rej. zabytków nieruchomych nr A – 1217), Warszawa, czerwiec 2020

Wróblewski Wojciech

2006 *Aschenplätze – the forgotten burial rituals of the Old Prussians*,“ Archaeologia Lituana”, t. 7, Vilnius, s. 221-234.